

Владимир Партолин

**Пингвин — птица
нелетающая, или
Записи-ком Сильча и
Когана**

18+

Владимир Иванович Партолин
Пингвин – птица
нелетающая, или Записи-
ком Силыча и Когана

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=70532143
SelfPub; 2024

Аннотация

Сбежавшие из-под дисциплинарного ареста спецназовцы обосновались на острове с государством Пруссия, здесь восстановили разграбленную пиратами деревню, занялись сельскохозяйственным трудом.

Содержание

1
2

4
43

Владимир Партолин

Пингвин – птица нелетающая, или Записи- ком Силыча и Когана

1

Я непосредственный участник этой истории, многое мне рассказал сам Франц Аскольдович Курт, кое-что ротный повар ефрейтор Хлебонасущенский, он по собственной воле, втайне от полковника, взял на себя заботы ординарца. Не раз выручал Батю (так прозывали командира, за глаза, конечно). Случалось, встанет тот ночью и идёт один на Дальнее поле – любит он это место. Ефрейтор за ним с накидкой. Обгонит сторонкой, постелет у грядок на краю поля, камнями, чтобы ветром не унесло, прижмёт. Батя придёт и садится, ломая голову, как это он прошлой ночью мог забыть подстилку. А вроде и не брал с собой. Да и сейчас, выходил из барака, накидка осталась висеть на выходе. Проверял по приметам, его ли. Его. Сплетена из усов корневища островной ягоды-оскомины – растёт только на Дальнем поле – особой вязкой. Хлебонасущенский и вязал. С изнанки подбивал офи-

церской плащ-накидкой.

Чертыхался Батя. Рассеян, забывчив стал. А без подстилки заднице зябко – ночью земля после частых на острове дождей с ветрами мокрая и холодная.

* * *

Батя (председателя колхоза только я так, кладовщик, бывший ротный каптенармус, называл прямо не за глаза), подсобив грузчику вскинуть на спину последний мешок, окликнул земмариийского каргоофицера:

– Молодой человек!

Тот встрепенулся, чуть на ногах удержался: спал стоя. Прислонился плечом к борту гондолы ветролёта и клевал себе носом. А ступал грузчик с мешком на сходни, вздрагивал, поправлял фуражку, повёрнутую козырьком на затылок, ему великоватую, и закладывал очередной палец в кулак – профессиональный метод учёта груза у спецов погрузки-отгрузки. Обучен менялой, патроном и хозяином ветролётоносца, чтоб самому учётчику не участвовать в работах непосредственно, чтоб бодрым у сходней оставался, не обсчитался бы ненароком. Каргоофицер – портовый и судовой специалист погрузочно-разгрузочных работ. Носит офицерскую форму береговой охраны Альянса ЗемМария, почему-то; причём, что совсем странно, брюки в комплекте той форменки не клеши обычные, а «дудочки» стильные, даже отдалённо не походящие на флотские: в бёдрах облегающие и в длине лодыжек только достают. На виду из прогар (флотские кожаные

ботинки) торчат носки в полоску всех цветов радуги. Околышек фуражки отмечен профессиональным знаком: кокарда – в виде краба с крюками-захватами в клешнях, вписанного в окружье из цепи с якорями и окаёмку сегментально разделённую на цвета (эмали) всё той же радуги.

– Я!

– Последние четыре мешка отгружены. Бензин принесите, пожалуйста, вспотел, боюсь на ветер выйти.

Каргоофицер с канистрой, пристёгнутой у него на груди к штормовке, ступая по тропке к амбару, вежливо посторонился пропустить грузчика.

– Семьдесят шесть мешков, все по акту, – протянул он на показ Бате руки. В кулаках он держал загнутыми три пальца одной руки (десятки), указательный и большой сомкнутыми кончиками, что означало «помножено на два, плюс десять единиц». На другой руке пальцы сжаты в кулак, мизинец оттопырен – означает шесть штук. – Резвые у вас... Й-ёё!... – вдруг всполошился, обернулся к гондоле ветролёта и спросил недоумённо: – Они... тридцать шесть человек, все на борту остались? По сходям только поднимались, никто не сходил!

– Здравствуйте, молодой человек. Всё верно, семьдесят шесть мешков с топинамбуром отгружены. Канистру я отстегну... Мы не виделись: на приветственном ужине вас, молодой человек, не было. И успокойтесь. Полагаете, спрятавшись в трюме, покинут остров, в ЗемМарию уплывут? Не

бойтесь, я – председатель колхоза, взойду на борт, построю, посчитаю и все тридцать шесть голов уведу. Вахтенный боцман на мостике спокоен, а вы так переполошились. Меня Председателем кличут, за глаза прозывают Батей, можете и так обращаться ко мне, – протянул Председатель руку.

– Здравия желаю, Председатель. Обязан официально обращаться, – почтительно, став в стойку руки по швам, поздоровался молодой человек и представился: – Помощник оф-суперкарго, оф-карго-трюмный, младший лейтенант. Отвечаю за сохранность груза, по уставу должен находиться в радиусе ста шагов от борта, быть постоянно в поле зрения вахтенного. Я за груз, извините, испугался, – тихим оправдательным тоном дополнил офицер и в протянутую ему руку вложил в замешательстве кулак.

– Удобрения? Соляра? Ни того, ни другого не тронут.

– На борту, зачем остались?

– Вы не в курсе? Ваш патрон Зяма распорядился грузчиков покормить на камбузе, – тряс Председатель в крепком рукопожатии кулак офицера.

– А-а-а, – протянул (от боли) лейтенант. – Меня в известность не поставили.

– Вахтенный на мостике в курсе.

– А-а. Здесь... – офицер поддел носком прогары канистру и, расклеивая перед выпученными глазами пальцы разжатого кулака, договорил: – шесть литров.

– Спасибо, лейтенант. Как звать-то?

– Иван.

– Я Франц Аскольдович, фамилии вот своей назвать не вправе... Я и грузчики не всегда колхозниками были, мы – взвод «вэдэвэ». Спецназ. Слышал о таких?

– Конечно. Мальчишкой мечтал служить в спецназе, но «вэдэвэ» реформировали в «овэмээр» – из десантников в марпехи. Вас, говорят, на острове бросили, а шкипер как-то проговорился – что в бегах и в заточении вы здесь.

– Брешут. На сельхозработках мы – на трудовом, как говаривает зампотылу, фронте. Трудимся... как умеем. А спецназ не расформировали – сократили. Мой полк, да – в марсианских пехотинцев, марпехов, реформировали. Но штаб на «Звезде» остался. Сельхозпродукцию штабным поставляем... Сколько можем... как умеем. Нам взамен тыловики довольствие сухпайком и респираторные фильтры пересылают. Спецназовские. Знаешь о таких, видел? В секрете держались. Моя рота начала их испытывать, так что, вряд ли ещё у кого такие есть. Вот эти, – достал Председатель из пенала на поясе две вещицы, с виду схожие с лекарственными таблетками в капсулах. – В экипировке значатся как «свечи», вишь, с ректальными свечами по форме схожи. Ещё и «макариками» называем, вишь, на патрон от пистолета Макарова похож. В нос засунем, и в самом пекле – в Европе где-нибудь, в Южной Америке или в Африке – выходим из «бэмээмпэ» на воздух без респираторных масок. Так, веришь, волки, мустанги и драконы на месте обалдевали, за суперменов нас

держали. Возьми попробовать. Деваху свою напугаешь. Часа четыре действуют, после чистить надо. Спиртом. Можно «тройным», хотя, откуда он в ЗемМарии, на «Звезде» ведь все запасы.

– Знаю «тройник», я ведь не земляк, небён, на «Звезде» родился и вырос. Впервой на Земле. Одеколон привёз. На пути с Марса со встречными с Земли купцами обменялись «сувенирами», так что, имеется небольшой запас, не на судне, в гостинице. Лучшее в Руси средство мена. За фильтры спасибо. Босса и патрона, выйдем в океан, напугаю: в вахту заявлюсь в рубку без маски.

– Не знаю как твой босс, а патрон Зяма о «макариках» знает – догадается.

– Тогда одного босса разыграю. Он рассказывал, шесть лет вы на острове. Одни. Без женщин... с проблемами... еду приготовить, постирать... напряжение снять.

– Верни-ка «свечи».

– Что вернуть?

– Фильтры, «макарики». Надо же, перепутал отделения в пенале, возьми вот эти – очищенные, вновь пригодные к дыханию. Будешь в ноздри совать, прежде высморкайся. Погоди... – рылся Председатель в пенале. – Верни и эти. Они все в пенале использованные, забыл отдать на очистку. С использованными не отравишься, но вести себя будешь неадекватно.

– Не помру же, зато припугну босса, а то достал: молодой, вот и гоняет на вахту смотрящим. Пяти часов поспать не да-

ёт. А сплю, океан во сне один и вижу, ну и пиратские шары волков и драконов. А как – неадекватно?

– Смеяться будешь.

– Ну, скажите, не буду я смеяться. Стошнит, что ли?

– От «макариков» неочищенным спиртом щекочет в носу, вот и будешь от смеха на мостике заходиться. В другой раз подарю. Твою каргокоманду патрон впервой зафрахтовал, насколько навигаций?

– Пока на одну эту.

– А насчёт женщин, мы ведь, трюмный, спецназовцы – натренированные: обучены без баб обходиться. Да и потом, готовить нам особо нечего, и стирать, сам видишь, тоже, смекни, нет. Сменки нет. – Председатель одёрнул китель морского офицера без знаков различия, надетый поверх одной тельняшки и кальсон. – А напряжение снять, проблемы здесь в деревне у полеводов нет – фельдшер наш на это дело охоч. Проблемы – у меня. Камса, так фельдшера кличем, один, а полеводов сорок человек, вот и бегают в соседнюю деревню. Мужики в сопки по бабам, хлопцы на завалинку к девчатам. Боюсь, дети пойдут, а их кормить надо. Також конфликты с соседним колхозом «Мирный», с мужиками и парнями, нередки. Я, почему тебе рассказываю и спрашиваю, будешь ли на острове и в последующие навигации – презервативы нужны. Зяма привозит, но задорого. С тобой я бы менялся на это. – Председатель полез в планшетку и вытащил наполовину предмет – пластину серо-желтоватого цвета, толщи-

ной в два пальца. – Тушёнку привезли не из черепахи?

– Черепаху всю... извели... Из пингвина... тушёнка.

– На вкус отдаёт вроде черепахой, чуть кониной, – сглотнул слюну Председатель.

– След!?! – вырвалось у офицера. И он сглотнул.

Пластина из песка, обожжённого до стеклообразной массы, видна была стороной с отпечатавшимся в ней протектором сапога. «След», да какой! От обуви не простой. О «следах» этих знал всякий, что на Земле, что на Марсе.

– Так как тебя зовут, сынок? – повторил Председатель вопрос. Показывал он пластину, сделав шаг в сторону, спиной к гондоле ветролёта: закрывал собой, чтобы вахтенный с мостика не видел.

У парня глаза загорелись. Ему показывали – так просто! – «след» от сапога скафандра разведчика экспедиции, впервой высадившейся на Землю. Необычный! «След» оставленный в обледенелом снегу – редкость, а тут – в песке! Да такие отпечатки никто и не видел! Первопроходцы с Марса ведь тогда в скафандрах ходили недолго – пришлось их на тулупы заменить, а вместо сапог валенки надеть и на лыжи стать. И не просто показывали, сделку предлагали!

– А? – встрепенулся офицер. – Иван, – назвал вторично, шумно сглотнул и спросил: – Тот самый?

– Глазам не веришь. Тот самый. Протектор подошвы, видишь какой? «Зубастый». Реликт. Но какой! Этот «след» – в песке, как видишь, не в обледенелом снегу. Не растает. В

ЗемМариин патрулирование по всей Антарктиде проводил, нашёл. Песком первопроходцы шугу посыпали не из опасений поскользнуться, а чтобы обозначить тропку. Повезёшь на «Звезду», – ты ведь точно не земляк, Ваня, – небён: фамилию не назвал, нет у тебя её – не рассказывай никому, что у меня на Бабешке выменял. Сам понимаешь, находку втайне держу. Репортёры, менялы – ладно, но реликты у меня, военного, сохиды просто конфискуют. За гвардией «си» не заржавеет. Бери.

Офицер взглянул на рубку гондолы, и шёпотом:

– Отойдёмте в сторонку, в тень.

– Вахтенный о нас, Ваня, подумает некрасиво. Форма твоя, извини, – «петушиная», его на мысль греховную наведёт, сам понимаешь. В ЗемМариин дизайнера часом на рею не вздёрнули, творца-оригинала; да и адмиралы с генералом альянса совсем охронели. Слышал, арабские адмиралы воспротивились эскизам, но адмиралы американские и русский генерал утвердили. За отгородку станем, по грудь только видны останемся.

– Больше ста шагов будет, вахтенный тревогу подымет, – заволновался Иван, моя колкость насчёт «петушиного» дизайнера формы каргоофицера сейчас его – когда «след» предлагали – ни в коей мере не колыхала.

– Ладно, повернись спиной, не увидит. Берёшь?

Иван потянулся к дару – как подумал по простоте душевной марсианина молодого – но Председатель с возмущением

уронил пластину назад в планшетку:

– У меня что, сотни таких. Тропка была в двадцать шагов длиной – от палатки до отхожей ямы.

Иван опешил и, поняв, что от него ждут, испуганно зыркнул на мостик с вахтенным: меняться – ему, оф-карго, младшему лейтенанту, трюмному, ни разу не меняле! Супер-оф-карго всыплет, а патрон узнает, в наказание на острове оставит.

– Как знаешь. Не знаешь, у вахтенного будет закурить?

– На... что... меняемся? – сумел только проямлить Иван обычную для менялы фразу.

– Достанешь сигарету мне закурить и расстегнёшь карман штормовки, я «след» переложу. А через час, сюда загляну, вынесешь тушёнку и сигареты, в упаковках целых, – полез Председатель в планшетку.

– Карманы штормовки зашиты, так у трюмных положено. И у меня нет упаковок.

– Ладно, запазуху тюбиками и пачками набьёшь, сколько сможешь.

– И пачек с сигаретами нет, не курю я, – расстраивался Иван. – В... кармане блок, почти целый, трёх пачек не хватает.

– Блок?! А в каком кармане, они ж зашиты.

– В потаённом... блок за гульфиком шорт штормовки, подшит с изнанки в промежности штанов, на заду.

– Понимаю, вместо подгузника. А залезть, молнию рас-

стегнуть, или пуговики?

– Ширинка шорт на липучках, в штанах ширинка на молнии.

– Посмотри, вахтенный на месте?

– Ага. В рубке на мостике.

– Моих видишь?

– Нет, один боцман.

– Поверни фуражку козырьком и кокардой на лоб – покажи этим боцману, что погрузка завершена, пусть думает, что мы с тобой без дела здесь калякаем. Развернись к нему в пол-оборота и загибай пальцы, будто рассказываешь мне – одно, дескать, молодому офицеру надо, второе надо, третье надо. Липучки отлеплю, молнию распушу и блок достану я сам.

– Ага. Только под штанами нет... и я без трусов.

– Ваня, мне не до глупостей, я курить хочу.

– Странно, вахтенный стоит – по мостику не прохаживается... Только блок сразу спрячьте, – прошептал Иван и повернул фуражку козырьком на лоб.

– Не бойсь, Ваня. Загибай пальцы.

Трюмный пальцы загибал, а Батя обменял «след» на блок сигарет. Упаковку сунул за резинку своих кальсон и прижал поясным ремнём офицерской портупей, запахнул и застегнул на пуговицы китель. А потянулся стянуть молнию, лейтенант отстранился, покраснел и сделал это поспешно сам.

– «След» в рукаве понесу. Отвлечёте боцмана?

– Ты пальцы-то загибай. Отвлеку. Попрошу проводить в

трюм к лоботрясам моим.

– Так они не на камбузе? В трюмных погребках все!

– Ну да. Меня ждут, я их из погребов на камбуз поведу. И кока вашего мне надо прежде разбудить, подготовить: он покормить четверых только ожидает.

– В тех погребках, по углам под парусиной, бананы... спрятаны. На одеколоне в Рабате... выменял. – Офицер сорвался было с места к гондоле, но Батя удержал за плечо.

– Постой, Ваня! Не повезло тебе. Пусти козла в огород – одного, а здесь аж сорок изголодавшихся. Извини, Ваня, я не знал про бананы. Запчасти, соляру приказал не трогать.

– Суперкарго узнает, голову мне оторвёт!

– Так уж и оторвёт. Ты на отвальный завтрак сюда не приходи, больным скажись. Тушёнку вынесешь, я тебя ждать буду с кружкой «Фирмы» и котелком пюре – самогонку и закуску нашу отведаешь.

– Я не пью, мне нельзя – я трюмами заведу. А про пюре из островной ягоды-оскомины слышан, от неё у вас шерсть по телу, зубы и уши такие. Босс и шкипер вас чебурашками называют. Я спросил кто такой этот чебурашка, – так не сказали, слезу смахнули и меня в погребок крыс гонять отослали.

– Тогда киселя из оскомины принесу. Попробуешь. Такого ты, трюмный, не пил.

– Заведовал трюмами, – обречено вздохнул Иван и спохватился: – Мне тушёнку вынести?! Мы же на блок сигарет поменялись.

Председатель ударил себя по лбу.

– Ах да! Извини. С памятью у меня что-то – провалы случаются. Пальцы продолжай загибать, – полез Батя в планшетку. – Вот второй «след». Передашь своему боссу в компенсацию за бананы... Не посмотрел, блок сигарет, каких?

– Мальборо, – ответил Иван, закладывая пальцы в кулак и постреливая глазами, то на рубку гондолы, то по углам пустого амбара.

– Да не дрейфь ты так... Как ты сказал? Мальборо? Ух ты! Ты, вот что, Ваня, послушай моего совета. Вернёшься на «Звезду», «след» сбывать не спеши. Ты молод, вся жизнь впереди, а на пенсии за реликт этот – к тому времени ценность его во сто крат возрастёт – выменяешь себе отдельную комфортабельную блок-ячейку в Кремле «Звезды», с фикусом. В иллюминатор, и Марс, и Землю, и звёзды будешь наблюдать.

– Если подружке одной... и отцу её покажу? Он – земляк, знаток и эксперт по земным реликтам.

– Не советую, Ваня... земляки на «Звезде» все знатоки и эксперты по земным реликтам... есть среди них менялы по натуре, хитрые в натуре. Так что, может случиться, папаша объегорит, и доченька в том поможет. Как пить дать. Так что, им не показывай. Вообще, вы с боссом держите пока всё в секрете, а я вам за блок Мальборо по «следу» давать буду. Соберётся по целой коллекции, вот тогда... Это же сенсация будет. Бомба! У меня ведь «следы» разные: с окурками, с

обёртками от «сникерса» и «марса», много со жвачкой и калом. Бомба! Согласен, Ваня?

– Ага.

– Ударим по рукам?

– Ага... Какая у вас рука сильная!

– А ты, Ваня, не пальцы загибай, засучи рукава и грузи. Бицепсы нальются, как у того Шварца станут. Впрочем, ты такого не знаешь. Киноактёр.

– Знаю, картины с его участием не самые любимые, но смотрю.

– На «Звезде» кино? В мою бытность это дело под запретом было.

– На ветролётоносце у патрона видак есть, кассет полно. А на «Звезде», да и на всём Небе под запретом и сейчас. Правительство не даст и в Метро к червям «заразе» попасть – кино для них, считают, пострашнее наркотика. С «Терминатором» в книжной версии знаком, сюда плыли на паруснике, с видака фильм раза три смотрели.

– Известно. Революции боятся. А ты, Ваня, извини, – щупленький... и дохленький у тебя такой. Травку куришь?

– На «Звезде», пацаном был, – залился Иван краской, – слышал, что в «Печальных домах» больным как успокоительное дают, в Метро червям в пюре из коралла «картопля» подмешивают. А так, знаете, простым смертным Уровня, Метро и Неба за потребление наркотика статья и суд скорый. Курсантам на «Звезде» – трибунал. Сюда плыли, с драконье-

го шара сбросили на палубу мешочек с порошком. Шкипер, попробовал на язык, опиум назвал и за борт высыпал.

– Мешочек себе оставил?

– Да нет, примотал к гарпуну и отстрелил из пушки пиратам назад в корзину; сказал, что им на разговорение, и парусов наших не тронут.

– Ладно, Ваня, заболтались. Пора моим лоботрясам угощаться и... честь знать. Верно? До утра к отвальному завтраку проспаться. Ты постой минутку, я боцмана отвлеку... Вот тебе второй «след». Возьми и два «макарика». Утром подыши через них в ноздрях энергично, а начнёт в носу щекотать, разбуди босса и веди в погреба показать пропажу бананов. Смейся, хохочи, валяйся под рогот по брезенту – не сдерживай себя. Не оторвёт тебе босс башку. А полезет, – ты ему «след»...

* * *

Утром после завтрака с прощальным застольем, Иван и босс его – коренастый украинец, косая сажень в плечах с высоким толстым загривком: настоящий грузчик – зашли к Председателю. Шли по проходу спального барака, сытые полководы – земляки валились на нары, небёны лезли на второй ярус – пожимали благодарно им руки. Провожатый дневальный, заглянув за створку занавеси председательского закутка, спросил: «А стоит будить?». В ответ оф-суперкарго показал, вынув чуть из портфеля за горлышко, бутылку виски...

Батя выставил пол-литра «Фирмы» в штофе из-под водки «Твердыня» и наказал дневальному послать на кухню за закуской. Хлеб принёс половинку батона, котелок пюре, да жбан киселя – всё, что, по его словам, осталось от застолья.

Распили бутылку виски, раскупорили штоф. Пить «Фирму» не разведённую даже у профессионального грузчика оказалась кишка тонка – разбавляли киселём. Закусывали батонem, а после как приняли по третьей кружке самогона (в званый ужин и прощальный завтрак пили, но не такую крепкую подавали, как эта. Первач), нахваливали пюре. Вчера за ужином отрадноцы эту мыльную с виду кашицу называли «Отрадой» (кашевар салатом). Во рту «ад ежи такой» (земляки подтрунивали над Хлебом) так вязало, что аж ноздри скручивало. Предпочтение гости отдавали закускам, приготовленным и подаваемым судовым коком, да не всегда успевали ложкой зачерпнуть или вилкой подцепить – колхозники не зевали, перед сменой блюд сидели с пустыми ртами и ложкой наизготовку.

У Бати закусывать аппетита не было – отломил от батона, поковырял в пюре.

Смеялись с рассказа Ивана.

Тот, упрятав бесценное приобретение в рукавах штормовки, ждал, пока вахтенный с Председателем покинут мостик. К сходням шёл, смотрел под ноги и ступал предельно осторожно: опасался споткнуться, упасть и сломать невзначай «следы». Вдруг поймал себя на том, что по обеим сторонам

тропки, протоптанной босыми грузчиками, видит отпечатки следов от обуви с таким же рисунком протектора, что и у знаменитых «следов» В изумлении остановился, вытащил из рукава реликт, сверил. Остолбенел. Стоял, ничего не понимая, долго, пока ни привёл в чувство вахтенный, вернувшийся на мостик и переполошившийся от вида застывшего в луче прожектора трюмного. Боцман вдолбил парню, что облапошен. Бежать на камбуз к аферисту отговорил, поведав: «Там сорок псов над мисками рычат. Кок заперся в погребе с холодильной камерой – провиант спасает». Ждали, боцман угостил, курили. Иван выкурил первую в своей жизни сигарету. Когда Председатель объявился на палубе и пропускал на сходни подходивших полеводов, лейтенант поспешил на борт. Проходимец, завидев каргоофицера и сказав, что не виделись «вроде бы», распростёр руки и обнял дорогого гостя. Спросил, как зовут, сам представился, извинившись за то, что не может назваться по фамилии. Небён обнимался – что поделаешь, не останавливать же: «Председатель, мы уже познакомились. До сих пор в пальцах ломит».

* * *

Батя поразился моему неожиданному появлению, но вида не подал. Я, пока смеялись с рассказа младшего лейтенанта, выжидал на пороге председательского закутка за занавеской. И воспользовался моментом, когда пьяные каргоофицеры, опасаясь повторных рукопожатий и обнимашек по прохо-

ду барака, выбрались через потолочный люк отлить на крыше. Молча, не обращая внимания на Батю – делал вид, что меня не замечает – я вошёл в закуток и слил в свою фляжку весь оставшийся кисель, собрал по жбанкам в жбан остатки пюре. Присел у тумбочки и выгреб из ящичков тюбики с тушёнкой. На выходе из закутка застопорил в створе занавески и пёрнул. Посчитал, что недостаточно громко – стоял, ждал. Тужился, выставив свой необъятный зад в тесных шортах, но, заслышав спускавшихся с крыши гостей, только пукнул. И плотно свёл за собой половинки занавески – пук в закутке оставить.

А дело-то в чём? Что предшествовало моему неожиданно-неурочному явлению у Бати в закутке, беспардонному грабежу тушёнки, приносимой ему и оставляемой в тумбочке втихую – без ведома Батинога – кашеваром.

На званом ужине я не был – проспал у себя в кладовой продсклада. Продрых, и прибытие к отрадновскому причалу ветролётоносца менялы Зямы, и прилёт в деревню под погрузку его ветролёта. Утром предстоял прощальный завтрак, думал наверстать упущенное. Проснулся не, потому что проспался... с меня снимали обувь. Разув одну ногу, похититель сиганул за дверь. Я за руку его не схватил, подсмотрел одним глазом, хотя и без того знал кто он, куда и зачем понесёт мой ботинок. В столовку на кухню, сделать отпечаток подошвы в лепёшке из глины – состряпать «следы» первопроходцев с Марса, реликты.

Если бы и хотел, снова уснуть не мог, но с лежанки не вставал, притворялся спящим. Выжидал.

И дождался. Сделав дело, Батя мой ботинок вернул. Но не обул, как проделывал прежде каждый раз – бросил у ног. Эта бестактность и обидела меня.

Полеводы носили рыбацкие резиновые сапоги, или «боты» как окрестил «гражданские педали» кашевар Хлеб, белорус. У меня и завхоза Когана одних только оставались «тактические военные ботинки». Я свои не ботинками, не «педалями», не берцами называл – «бацулами». На мою ступню интенданты не могли лекал сыскать и подходящую под мой размер пошивочную машину, украинец Богдан Бацула взялся стачать вручную. Ладно, мастерски сшил, орденом за то наградили. Правда, мастер возьми в «Печальный дом» и попади, а там почитай каждый второй в орденах. Эти как раз, отмеченные властями и до Хрона и в Хрон, у персонала психушки не в чести, больше иных хлопот доставляют. Бацулы я берегу, теперь такие, мне по ноге, сшить некому. На мою ступню «безразмерную» простой-то военной и гражданской обувки в ЗемМари не найти, не нашли и рыбацких сапог моего размера, поэтому БККСКП – «берцы крокодиловой кожи с кевларовой подошвой» или, как их называли сами спецназовцы, «щучья пасть» – мне оставили. А берцы майора Кагановича я, предвидя предстоящее разграбление в смотровой гауптвахты, у него с ног снял и в ротном сейфе запер, зампотылу смекнул в чём у меня умысел, бо-

сиком шёл. Берцы всем по индивидуальной мерке шили, у меня больше не с размером проблема была – крокодила с должным загривком поймать не могли, чтобы носок ботинку скроить. Рисунок протектора спецназовской обуви действительно был схож с рисунком на подошвах сапог скафандров первопроходцев с Марса, не отличался даже формой пирамидок по подошве с выдвигавшимися из них при ходьбе «зубами». В протекторе моей бацулы мастер увеличил их число – в носок добавил шесть штук. В выпечке «следов» использовал мою бацулу Батя много раз, но я с этого ничего не имел, как не намекал поделиться добычей или хотя бы угостить. А в этот раз, обидевшись, решил просто так дело не оставлять. Когда полеводы и гости пировали на званом ужине, я, нарочито подымая шум, таскал по амбару из угла в угол мешки с топинамбуром, будто занимался неотложной работой. В перекур поднялся на мостик гондолы Зямино-го ветролёта к вахтенному боцману и стрельнул у него сигарету. Чтобы больше оставить следов, три раза возвращался от амбара, поднимался к нему на борт по сходням снова её прикурить. Удивлённому боцману объяснил, что сразу выкуривать по целой сигарете мне запретил фельдшер, а прикурить чинарик в амбаре бензина в зажигалке не осталось. Под конец беседы с боцманом в рубку поднялся из камбуза корабельный кок, приятель кашевара Хлеба. Угостил рулетом с фаршем из акульего плавника, посетовал на то, что холодильник на вертолётноносце по пути в Пруссию «загадау до-

уга жыць», потому многие продукты подпортились, свинина разморозилась, стухла. А в Отрадном пополнить запасы, как водилось, не удастся. Сетовал: «Дал патрон маху, всё же надо было Быково и Мирный прежде Отрадного посетить». Прощаясь, подарил пачку сигарет.

– Курыць – эти – не советовал бы даже такому здоровяку, как ты. Шкипер у пиратов выменял, недалече от ЗемМариин отплыли, ещё до поломки холодильника. В Хрон и до Хрона, знаю, у меня и Беларуси курили «Гродно», вот то были сигареты – по ГОСТу зробленные. А эти «Могилёв» – могила. Настаивали я и шкипер на возврат в Твердыню, заменить холодильник и запасы пополнить, патрон не послушал. А тут ещё твоим грузчикам приказал наготовить и пападчывать после погрузки. А чем? Всё самое ценное из сохранившихся продуктов сюда в холодильную камеру гондолы перенёс, спасаю остатки провизии. Вот наготовил твоим... персон на сорок... шучу, конечно, вместо четырёх на восемь человек, поедят по двойной порции ребятки. Скормлю остатки провизии, будет патрон знать, как шкипера с коком не слушать. Так что, согласиться, хотя бы Мирный наведать. Глеб Хлебонасущенский, мой приятель, сказывал в Мирном салом, вообще каким-либо мясом, не разжиться, но сала китового, рыбы сушёной и вяленой, корнеплодов всяких прорва, шмат. Кстати, он заразил меня гаварыць на беларускай мове, сам Глеб с Полесья – белорусский добра ведае. Я же минчанин – на трясанке даже не говорил. Ну, бывай, пойду

оставшее разогрею, не ровен час, грузчики объявятся. Отгрузятся скоро, младший лейтенант сказывал всего-то семьдесят шесть мешков с топинамбуром. Стоит, спит у сходней, не обсчитался бы, сосунок.

Душевный у Хлеба приятель.

Особо замечу, две последние ходки я сделал по сторонам тропки, чтобы «следы» грузчики не затоптали. Оставалось надеяться ветер, без устали гулявший по пустынному без дерева и кустика острову, не заметёт до времени следы «чужьей пасти» песком. И младший лейтенант следы те обнаружит, заметит, не проспит.

* * *

После как Батя отправил Селезня с наказом отпереть амбар, подготовить всё к отгрузке – в этот год уродился топинамбур, в амбаре стояли приготовленные к сделке мена мешки заполненные «земляной грушей» – я обогнал звено и спрятался в тёмном углу строения за развешанными на просушку пустыми мешками.

Пока бывшие разведчики таскали мешки с топинамбуром к выходу, Батя инструктировал колхозников, выползших из подполья амбара и затаившихся в тени стены. Я в углу, разумеется, их засёк, но ни вида, ни голоса не подал.

– На время проведения специальной – «военизированной» – операции вам возвращены фамилии, имена, звания и должности. О соблюдении воинского долга и чести де-

сантника «вэдэвэ» говорить не к месту, как вы понимаете... Главное, соблюдайте субординацию... Как видите, в гондоле вместо иллюминаторов бойницы, Зяма за нашим грузом прислал ветролёт модернизированный. Так что, губы не раскатывайте – много поживиться съестным в хозпогребах вряд ли получится. Запчасти, соляру и бензин не трогать. От съестного, случится, найдёте в погребах, следов – шелухи, кожуры, корок – не оставлять. Чтоб от пуза наелись. Ну и в запазухи, в подолы напихать. Юбки надели, почему в паху бугрятся? Сливпакеты! Кто разрешил?

– Завхоз, то есть зампотылу майор Каганович, на время «эсвэо» выдал, – доложил старший сержант Кобзон.

– Так бугрятся под юбкой от чего? Чем наполнили?

– Тюлькой. Запить закуску и факелами поплевать, давно не баловались.

– Надеюсь, сливпакеты под трусами, вам в юбках заголяться – добычу в подолах нести.

– Майор настаивал трусы снять, одну юбку надеть, сливпакет под юбкой между ног подвесить, с тарой на виду, боялся, не пустят на борт.

– Ладно. Факелами, как после погребов поедите ещё и на камбузе, сразу не плевать, спалите гондолу. Вступит, терпеть. По пути к казарме отфакелитесь. Кок, приятель ефрейтора Хлебонасущенского, наготовил, ожидает. Правда, четверых только. Вы там не особо-то, не с голодного края... с колхоза... не совсем успешного... Помните, на время спец-

перации вы не полеводы, «вэдэвэшники»... герои марсианские. Потому ведите себя подобающе. После угощения в казарму отправитесь, цепью чтоб, на ходу и поплюётесь. Бензин в зажигалках можете не экономить, за топинамбур разживёмся заправкой. Ни слова чтоб о том, что «груша» мёрзлая, не проколитесь.

Ефрейтор Селезень возмутился:

– Куда кожуру, огрызки, другие отходы девать, товарищ полковник? Ранцы взять майор Каганович запретил.

За что полковник отчитал:

– С неба свалился, ефрейтор? Вахтенный боцман в гондолу с ранцами пустит? Всё, под чистую, съесть. А поноса боишься, у тебя в отделении трое рядовых небёнов – им скармливай. Не откажутся. В подолах и в запазухи прятать не огрызки – продукт не тронутый, свежий. Зампотылу, часовому, дневальному, истопнику, лейтенанту-медику, мне и прапорщику.

– Дрыхнет, дуболом, – сплюнул Селезень (это он про меня; обозвал бы как-то иначе – лежебокой, боровом, жирным там – а за дуболома я у него перья повывёртывал).

– Чего же он не пришёл? Не разбудили? И кстати, майора, почему нет?

– Сослался на разыгравшуюся у него язву, на кухне завтрак отвальный готовит. А прапорщик у себя в продскладе третьи сутки спит. Он в лаз из барака в амбар, из казармы, виноват, не пролез бы, боров жирный.

– Лежебока, пушкой не поднять, хрон ему в дышло, – оскорбил меня и полковник (ему с рук сошло, на ефрейторе вполне отыгрался). – Лейтенант! Комиссаров... Да разбудите уже алкоголика... Вся надежда на тебя, лейтенант. Вахтенного на пол, под стойку ложи, но чтобы на мостике только его чучело стояло. Совратишь боцмана – заменим чучелом – успех обеспечен... Халат у тебя постиран... Подмылся?

– Т-т-так т-точно. Продевезент-т-тефеци-ти-рован.

– Тушёнку только что жопой не жрал, – проворчал Хлеб, последним вылезший из лаза.

За собой кашевар втащил и сейчас пополнял топинамбуром мешок с чучелом вахтенного боцмана. Сплетено оно из оскомины – усов корней ягоды-оскомины. Облачено в тельняшку и китель – одёжка с плеча Батиного, сам в плащ-накидку кутался. Лицо двойнику разрисовать не заморачивались – знали, на фоне лунного неба смотреться будет тёмным силуэтом-пятном. Вот свистулька на шейной цепочке у боцмана – эту в планировании спецоперации было решено позаимствовать у жертвы же: Кабзону поручили вахтенного слегонца оглушить, свистульку снять. Сейчас «в поле» осмотрелись, ефрейтор Селезень подметил, что всё же оплошали: поверх тельняшки и свистульке на цепочке под кителем у боцмана висел через плечо ещё и ремешок от кобуры с маузером. Старший сержант Кобзон клятвенно заверил полковника, и эту «деревяшку» с жертвы на чучело перевесит.

– Три наряда вне очереди, – объявил полковник взыска-

ние ротному повару.

– На кухню? Посуду мыть?

– Гальюн чистить. Не слышал, ефрейтор Хлебонасущенский, я на время спецоперации звания и должности вернул, о субординации тут говорил. Шёпотом отвечай, не разбуди мне каргоофицера.

– Виноват, товарищ полковник. Не слышал. Задержался, чучело за свод лаза зацепилось, голова оторвалась, прилаживал.

– Взвод, слушай приказ... землю с юбок стряхнуть, с колен и локтей счистить – не дать вахтенному и каргоофицеу заподозрить неладное. Старший сержант Кобзон, начальник штаба, доложите рекогносцировку.

– Палуба чиста, бойницы в гондоле створками закрыты, вахтенный на мостике – на чеку боцман. У сходней офицер стоит – спит, сосунок. Гондола по типу корпуса в былом от ветролёта туристического, сейчас смотровые окна бронёй заделаны. Погребов хозяйственного назначения из всех трёх десятков в трюме только десять, первый по счёту отведён под холодильную камеру, в него не суйтесь – заперт на «амбарный замок», взрывчаткой с петель не снести. Так, ефрейтор Хлебонасущенский, приятель не надурил?.. Остаются девять – в них мешки снесите, повезёт, там до угощения на камбузе перекусите. У меня всё, командир.

– Равняйся. Смирно. Слушай приказ... От амбара по тропке к сходням идёте с мешком на плече четвёрками, чет-

вёрками же занимаете девять погребов. Поднялись по сходням в гондолу, за рубкой в люк спустились к погребам, миновали по коридору погреба «пороховые» и с холодильной камерой, вышли к «хозяйственным», – мешки в них составили. Повезёт, перекусили и обратно к сходням... И шагом, не бегом, сюда в амбар за мешками второй ходки. Мешков, видите, вдвое больше взводной численности. В рубку на ходу не заглядывать, в ней под стойкой поста вахтенного одно распутство твориться будет. Хотя... поглядывайте. Гондолу на тросах и якорях мотает, не опрокинулось бы чучело. Случиться, восстановите тихо, боцману не дав опомниться. Комиссарова не напугайте. Начштаба, не учли, промашка.

– Я учёл, – подал голос повар, – чучело плёл, сообразил: член из тубика с майонезом чучелу приплёл. Показал лейтенанту Комиссарову каким образом можно защемить тот член в постовой стойке, в ней под приборной панелью прищепка для закрепления «калаша» имеется. Лейтенант, хоть и принял, уверен, понял. От члена глаз отвести не мог, всё норвил майонеза соснуть.

– Снимаю три наряда, молодца. Взвод, сделаете вторую ходку, остаётесь в погребам и ждёте дальнейших распоряжений начштаба. Строго держать интервалы: первая четвёрка поднялась на борт, каргоофицер посчитал на пальцах и заклевал носом, – вторая пошла. В амбар возвращаетесь не по сходням, сползёте по якорным цепям. Вторая четвёрка идёт после, как вахтенного боцмана подменят чучелом – твоя за-

дача, начштаба. Пройдёт всё гладко, в награду прикажу капитанармусу выдать всем боты... Внимание. Первая четвёрка, товсь. Комиссаров, становись в первую четвёрку вторым. Кобзон, за ним пристройся и распали слегонца, но не увлекись, а то у Камсы, у лейтенанта Комиссарова, в рубке пылу не хватит. «Фирму» и тюльку для боцмана тебе нести, не забудь, тебе и свистульку с маузером на чучело перевесить... Ефрейтор Селезень, поведёшь вторую четвёрку и последнюю заключительную – финишируешь спецоперацию третьей ходкой. Начштаба тебе задачу поставил: разведотделению с мешками третьей ходки в погреба не спускаться. В рубку проберётесь тайком и накормите боцмана тюлькой «тройной». Форменку у заснувшего полили кисельком, Камсу в чувства привели, чучело – чтоб без свистульки и маузера – прихватили, и ходу к кормовым якорям. По хламу свалки будете выбиратья на плац, не угодите в выгребные ямы нужника. Приказывал же составить схему их расположения, не выполнено. Начштаба, тебе выговор. Хотя нет, зампотылу – Кагановича упущение... Ефрейтор Хлебонасушенский, поддай на плечи лейтенанту мешок... с... боевым оснащением. И отсыпь «грушу»: чучело изомнётся, лейтенант – да разбудите уже алкоголика – не утянет... Первая четвёрка... марш...

* * *

Когда Председатель «след» на блок сигарет обменивал, а

Иван пальцы в кулак закладывал, я, прячась в тёмном углу амбара, был не рад своей затее. Вахтенный боцман меня приметит, помашет рукой знакомому, позовёт покурить. Полковник учует, разве что удивится явлению здесь лежебоки и сачка от спецоперации. А вот каргоофицер заметит, не хватил бы небёна кондратий.

С Иваном такое чуть не приключилось, но уже после погрузки, и по другому совсем поводу. Привыкший подсчитывать всё, что пополняло или покидало судно, он, насчитал семьдесят шесть мешков, грузчиками доставленных в гондолу по акту. После как, облапошенный Председателем, потужил и покурил на пару с боцманом, решил хотя что-то предпринять. При виде как грузчики, откушав на камбузе, начали собираться на палубе у рубки, строиться перед сходнями, посчитал их по головам.

– Тридцать два, – простонал, толи испуганно, толи сокрушённо.

Франц Аскольдович, тем временем, не отдал команду «равняйся-смирно», призвал по-председательски, по-свойски:

– Мужики, хлопцы! В спальный барак идите проспаться до прощального завтрака с почтенным менялой Зямой и его командой... Топайте.

– Й-ее!! – очухался Иван, вскричал и бросился догонять строй. Пристроился у плеча Председателя и заканючил: – Маму забуду! Батя, дорогой, забери из гондолы четверых.

Семьдесят шесть по акту мешков в погреба погружено, в строю тридцать два человека из должных тридцати шести – если по две ходки сделали – четверых грузчиков не хватка!

На что был обнят за плечи со словами:

– Крио-тубус у тебя, небёна, мама? Я хоть и бывший, но всё же офицер, имею честь, потому заверяю, на гондолу взошли, угостились в трюме и на камбузе, тридцать шесть полеводов – все работники по списочному составу коллективного хозяйства «Отрадный». В строю четверых не досчитался, так это звено полеводов из бывших разведчиков отсутствует. Они – следопыты. Зверя, деревцо, кустик, всё по острову ищут, чтоб квалификацию не утерять. И сейчас вот, как только отгрузились, отправились по сопкам рыскать. Привычка у них всё выискивать, профессионалы, понимаешь. А Чебурашка, Ваня, – милый лопоухий герой мультфильма, его друг крокодил Гена ему песню всё пел: «А я играю на гармошке у прохожих на виду. К сожаленью день рожденья только раз в году». Душевный мультик. Ты попроси у патрона кассету, должна быть. Не дурацкий «Терминатор» с верзилкой, по мне так нарциссом, Шварцем. А мешки в трюме пересчитай, а ну, как и с ними просчитался.

– Не, не стоит, с грузом подсчёт у меня, как в аптеке. Бананов под парусиной не досчитаюсь – это да. Кожуру одну оставили.

– Не, и кожуры не оставили. Вишь, подола юбок придерживают, полнёхоньки бананами. И, вишь, в запазухах дер-

жат. Вишь, сливпакеты под юбками отстегнули... выпили. Вишь, из колонны в цепь перестроились, зажигалки достали. Не спалили бы барак...

* * *

Расстались друзьями. На посошок выпили по глотку виски из плоской карманной фляжки оф-суперкарго. Распрощались. Здоровяк потоптался в створе занавески в надежде заполучить в подарок штоф «Фирмы», на худой конец жбан киселя. Батя, памятуя моё усердие в разграблении закутка, пока гости на крыше облегчались, предложил:

– Кашевар мой пойдёт к коку-приятелю попрощаться, пару штофов прихватит, распоряджусь. Иван, возвращаю блок сигарет, в ЗемМариин Мальборо обменяешь на настоящий «след».

Забулдыги на Руси промышляют поиском и сбором «следов», наткнувшись по берегу под ледовыми утёсами на уцелевшие тропки первопроходцев – по чистой случайности после долгих скитаний. Ибо только здесь, на южном материке планеты, и нигде больше, была произведена та первая высадка на послехронную Землю, только здесь разведчики с Марса – в скафандры облачённые – могли оставить на слежалом снегу следы от сапог. Прежде чем космическое облачение сменили на тулупы и стали в валенках на лыжи.

Но оф-суперкарго попросил сигареты оставить – не просто скурить, для дела по сделке. Запихнул блок в руку Пред-

седателю со словами:

– Кури на здоровье. К весенней навигации напеки с пару десятков таких «следов». Мальборо не будет, эти сигареты и сейчас, после Хрона, есть на рынке, но Philip Morris USA поменяла владельцев, и производства сменили места расположения. Поговаривают, масонским сектам фирма отошла. Меня упаковкой наградили за трудовое рвение, но я трубку курю, отдал Ивану, разрешил обменять на что в ЗемМари. Организовал ему мен на одеколон у купцов, охоч малец до аромату с родины. По килограммовому кульку «Крепостных» за «след» обменяю, по два кулька за реликты с впечатанными предметами. За «след» с окурками и жвачкой, – жаль презервативов и «тампаксов» нет, одни мужики приземлились – ещё по полкило накинута. Через час пришли хлопца на ветролётоносец ко мне в каюту, собираю у команды презики и жвачку. «Тампаксов» нет, знаешь, бабы на судне не к добру. Окурки... На будущее уточню какой марки сигарет была снабжена экспедиция, а пока Мальборо используй. Фекалии у нас с судна можешь добрать... – оно, говно, и в Африке, и на Земле, и на Марсе говно, как есть говно. Вашего в колхозе, полагаю, нехватка к весне случится, да и от корнеплодов оно одно, а мы у Зямы на судне питаемся всё же и мясом, хоть и одним акульим последнее время.

– Не скажи, говно говну рознь, – не согласился Батя, – у меня мужики и хлопцы «Отрадой», без мяса, ходят. Топинамбур варёный и кисель из ягоды островной входил в раци-

он экспедиции?

– Ты прав, проколоться можно. Наше, корабельной команды, больше подходит. Кстати, боцман жаловался, твои грузчики, ветролёт загрузжали, все галюны в гондоле засрали.

– Пусть боцман простит, когда ещё выдастся моим мужикам и хлопцам на унитазах посидеть, у нас в нужнике – над очком на корточках. Экспедиция, должно быть, питалась концентратами из марсианских кораллов цвета и запаха съестных продуктов, так что и ваше говно не очень-то годно. Вот купцов с Марса подойдёт, привези. Впрочем, стоит кому догадаться посчитать пирамидки с «зубами» на подошве сапога скафандра и бацулы Лебедько, сравнить их число... а проще, задуматься, откуда у первопроходцев песок в Антарктиде. И капец нашему бизнесу. А полеводов я подошлю, вычистят галюны, помоют унитазаы. На удобрение грядкам пойдёт.

– Кок в рубке с «берданом» заряженным солью поджидает, накажи кашевару предупредить. Твои полеводы бедняге и камбуз в скотный хлев превратили, в трюме холодильный погреб разграбили. Замок открытым, только накинутым в петли оказался. Сдаётся мне, приятеля, Хлеба твоего, диверсия... А скорее оба причастны... И, слышь, гудок? Снимается ветролёт с якорей – отбываем. Так что, поздно унитазаы в гондоле чистить, с говном вашим на парусник улетим. Прапорщику Лебедько мой привет, думал с ним здесь свидеться. Уважаю. Он, прохиндей такой, в порту земмарийском, конвой вёл твою роту на гауптвахту, безпалки мои спёр. Меня

без них тогда в цепь грузить больше не ставили, подменку моим «рукавичкам» в порту не смогли сыскать – лапа у меня, видишь, о-го-го, у Лебедько только такая. Учётчиком у сходней назначили, в оф-суперкарго вот выбился. Так свезло мне только благодаря его воровским, каптенармуса и кладовщика, наклонностям. И зампотылу от меня привет, знакомы, та ещё... ну знаешь, завхоз он, как есть завхоз, и на Земле, и на Марсе.

* * *

А предшествовало Батиной афере (как ни как, полеводов укормил и четыре мешка топинамбура от сделки сэкономил, хоть и мороженого) и моему его розыгрышу вот что:

Меняла Зяма тем годом на Бабешке объявился поздней осенью – в неурочное для навигации время. Урожай трёх колхозов месяц как уже был вывезен с острова, так что посещение планировалось одного только Отрадного. Чему и сокрушался приятель Хлеба, ему весь обратный путь в Зем-Марию плыть с голодающей командой парусника не светило. Ветролётоносец пристал к причалу колхоза «Отрадный» (сооружён в бухточке в стороне от причала колхоза «Мирный»), когда колхозникам, зима ещё не наступила, холодно и голодно было. Душу грело, и тело питало ожидание выдачи со дня на день рыбацких сапог, с весны ходили босиком. Ну, а ужин, по случаю чествования гостей обильный «от пуза» – праздник для желудка. За столом Франц Аскольдович и Зя-

ма «ударили по рукам»: договорились обменять семьдесят шесть мешков топинамбура на канистру бензина. Мужики и хлопцы слышали, обрадовались – дружно хлопали в ладоши, прекратив даже выдавливать и высасывать из дарственных тубиков тушёнку. Зажигалки у всех были почти пусты.

После затянувшегося глубоко за полночь ужина патрон Зяма с командой парусника ушли спать к себе на судно, полеводы готовились к предстоящей СВО. Председатель привёл звено Селезня к амбару. Проверил печать на воротах. Замок амбарный вместе с проушинами в дверных петлях пираты посбивали и спёрли, так Батя нашёл выход: опечатывал припасы отпечатком подошвы своей прогары в смесовой лепёшке из китовой ворвани с мелко порубленными усами оскоминицы. Председатель в тёплые месяцы на острове боты не носил, сдавал кладовщику, то бишь мне, на хранение, но ходил не босиком, обутым в прогары, подаренные ему одному – «Уважаемому компаньону» – менялой Зямой. Разорвав надвое лепёшку, Батя распахнул створы ворот и пропустил вперёд полеводов. Распорядился вынести из выгородки к порогу семьдесят шесть мешков с топинамбуром. Звеньевой поправил, напомнив, что надо семьдесят пять, семьдесят шестой будет со спрятанным в «земляной груше» чучелом вахтенного боцмана, притащат в амбар по подземному ходу. То, что в этих семидесяти пяти мешках спрятаны самогонка и варенье, ни Селезень с командой, ни сотоварищи коллективного хозяйства «Отрадный», разумеется, не знали. Знали

компаньоны по бизнесу: я – «гонщик»; кашевар Хлеб – «разливщик»; Батя – «укладчик»; Зяма – «приёмщик и перевозчик». Конечно, знал бы и Коган, но ко времени как «замутили» бизнес бывший зампотылу майор Каганович и заслуженный деятель культуры Пруссии Коган свои обязанности заведующего хозяйством колхоза «Отрадный» передал мне и отбыл в ЗемМарию на лечение. А сбежал из-под скальпеля тамошнего светила от хирургии, вернулся на Бабешку, Батя наказал в дело его не посвящать, повременить. Как в воду смотрел: Коган в скорости снова убыл на лечение – мог ведь сболтнуть в альянсе о нашем промысле. А бизнес, какой мы вчетвером наладили на острове, в Пруссии слыл сомнительным, в Америке и на Руси был не в почёте (в Твердыне, надо заметить, очень оказался прибыльным), а в Аладде так и вообще противозаконным.

Пока подчинённые Селезня распределяли мешки «четвёрками» в ряд, выстраивая их строем от порога амбара к плацу, Франц Аскольдович посматривал на ветролёт и прикидывал чем и как, там, в гондоле, можно пожить. Сразу как парусник прибыл на Бабешку он приметил, что каргоофицеры ему незнакомы, значит, на острове раньше не бывали и им здесь всё в новинку. Главное, оба спеца не сведущи в повадках некоторых особей из аборигенов, конкретно, из числа колхозников хозяйства «Отрадный», в частности колхозного Главы. Потому за идеей плана предстоящей специальной операции Батя в карман не полез – ему не впервой.

Гондола висела по центру бывшей деревенской площади, на которой в былом стояла под сводом купола «миски» ратуша, в нашествие на Бабешку пиратов ими разобранная и увезённая. Осталась одна стена фундамента из валунов и скальных камней, скреплённых цементным раствором. В кругу останков незамысловатой в плане постройки (круг) копилась от центра куча мусора и хлама – чумы деревенские старые, не жилые, с годами ветшали и рушились. Сюда же сваливали солому, ботву корнеплодов и усы оскоминыцы. Подножье кучи подпирал общественный нужник – будка, перемещаема время от времени (по мере заполнения отхожей ямы и прироста свалки) на все четыре стороны, всё ближе и ближе к фундаменту. За стеной которого – плац, в плане «бублик» выложенный булыжником. После побудки до завтрака на нём физзарядку делали, строевой подготовкой занимались, «рукопашкой» баловались – чтоб не растерять вконец спецназовской выучки. С годами, правда, всё реже и реже этим занимались, а последним летом только, когда Франц Аскольдович пребывал не в духе – гонял бывших десантников по «бублику» до упаду.

Затягиваясь «крепостной», Батя, морщился от жуткого запаха и невыносимой крепости табака, дым пускал колечками. Старался забрать в разраставшееся дымное кольцо силуэт гондолы – зловеще чёрный на фоне ночного с кровавым полумесяцем неба. Луну на половину закрывал Зямин ветролёт, севший на макушку «миски». Гондолу боцман спу-

стил на тросах через приоткрытую маковку купола и зафиксировал над кучей свалки носовым, кормовым и бортовыми якорями. Без использования сходней на борт не попасть.

Батя курил и размышлял: строил план «тихого» отъёма припасов у прижимистого Зямы, в каждую навигацию обогоривавшего его в меновых сделках; что признавал, к чести сказать, в читке годового отчёта на общем собрании коллективных хозяйственников (переизбирали председателем правления, место это занять никому не хотелось). В Отрадном за грузом на ветролёте прибыло трое, в гондоле на тросах спустились боцман, корабельный кок и молодой оф-карго-трюмный.

– Леготня. Облегчим Зяму. Кашевар покручинится за кока-приятеля, разве что, – отщёлкнул Батя на плац окурок, – Ну, а тебя, младший лейтенант – спишь у сходней, сосунок – выбираю, прости великодушно, жертвой аферы для личного прибытка.

Амбар Батя не опечтал – пуст. Селезню наказал передать завхозу убраться в столовке, пол свечными огарками навоштить, начать сервировку стола к завтраку перед приходом к отвальной трапезе команды Патрона Зямы. И оповестить старшего бригадира Кабзона просьбой явиться через час в председательский закуток. В роте старший сержант Ираклий Кобзон не слыл оперативником выдающимся в составе младшего комсостава, зато был щепетильно исполнительным, результата в поручениях враз – с кулаками-то размером с гирию

пудовую (не применял, ему их только показать) – добивался. Майор Каганович оперативником был ещё худшим или таковым прикидывался, поэтому начальником штаба предстоящей специальной операции решил назначить Кобзона. Отправив звено Селезня и притушив каблуком прогары «крепостную», Батя направился ко мне в продсклад, где я спал пока обутом. Что ж, этим разом за мою бацуну мне привалило: отстегнул с барского плеча аж кулёк с кило сигарет «Крепостные» – отравы хроновой.

Менять самогонку и варенье в ЗемМари Зяма попробовал прошлым годом. В Твердыне и Форте (варенье влёт шло) оказалось делом очень прибыльным, этим неурочным посещением Бабешки наведалься специально за большой партией. Меняле подобный промысел – дело привычное, а Бате – офицеру, полковнику – претил. Держался, пока жизнь не принудила сдаться. Всё ждал, что его беглый взвод заберут с Бабешки и роту опальную вернут в полк на Марс, и потерял всякую надежду, получив приказ ещё несколько лет оставаться на острове с задачей поднять-таки колхоз. Вот тогда-то «председатель» задвинул в душе «полковника», и Батя пустился во все тяжкие. Нет, он старался возродить колхоз «Отрадный», но полеводов из десантуры сделать ни как не удавалось.

2

Я язвенник, как полеводы набрасываются на стряпню колхозного кашевара, лицезреть не могу, поэтому в часы трапез в столовке подменяю часового на сторожевой вышке. Частьенко отмечал, ужин ещё не заканчивался, Франц Аскольдович, председатель колхоза, спешил уединиться на Дальнем поле. С высоты башни водокачки видел, как тот усаживался на краю у грядок.

Живности на острове – название ему Бабешка, в четырёх тысячах миль от ЗемМари в Антарктиде – ни какой нет, как впрочем и природной растительности. Не поохотишься, стало быть. Да и нечем. Из оружия прихватить с собой, когда бежали из ЗемМари, удалось только полковничий нож, да и то потому только, что был дохронным, за артефакт числился и хранился в ротном походном сейфе, который в арест при командире оставили. Вскрыть в смотровой гауптвахты не позволил потому, что в нём хранились ротная документация, секретные комлоги-ком и «свечи» (респираторные фильтры). И рыбу в океане не половишь: не потопашешь со «свечами» в носу девять километров к берегу Быкова. Да и круча у посёлка – не добраться до воды. Пойти ловить к берегу Мирного, – там по берегу мелководе – как мирняне на то посмотрят? Помню, с какой неприязнью те взирали, когда десантников со школьными ранцами, ещё первым ра-

зом, Франц Аскольдович привёл в деревню за дарственным жмыхом. Жён, девушек, даже детишек в чумах позакрывали. А и хорошо: позора нашего не видели: полковник к тому дню ещё не распорядился выдать с хранения зипуны, бушлаты и сапоги. В шеренге стояли «футболистами»: в трусах и тельняшках, но без бутс – босыми, с ранцами в руках перед собой открытыми.

Да и ловить рыбу всё равно нечем – снастей нет. А на сейнеры мирнянские наняться, кто ж возьмёт – их два из четырёх на плаву осталось, команды тех, что на приколе, в очереди стоят поработать на подхвате. Ну ещё на четырёх рыболовецких шаландах по акватории острова промышляли. На плаву осталось и китобойное судно, в океане месяцами пропадало, далеко уходило китов и акул бить, на борт посторонних не брали. Китобои, надо отметить, – элита мирнянских рыбаков. Как же, у них наши комлоги, которые выменяли у нас за семена и химудобрения.

К слову сказать, на Бабешке ещё оставались три грунто-отвозные шаланды с земснарядом, а в бухте по берегу с Мирным бетонозаводик. До возникновения государства Пруссия (в результате забастовок, а после и революции) на острове осуществлялась Русью стройка, грандиозная как испокон веков водилось, а бежали строители от революции в ЗемМарию, земснаряд, шаланды и бетонозаводик бросили. Оставшиеся на острове рабочие – под красными знамёнами и лозунгами из кумача – в революционном кураже всё и раз-

грабили. Завод по кирпичику разнесли. Земснаряд со дна поднять пытались, но не справились, только затопили с концами. С шаланд посвинтили всё что можно, обшивку листовую из металла содрали, соляру всю и масло из механизмов слили, до моторных отсеков, было, добрались, но двери и люки сваркой заваренными оказались. Судам «голеньким» судру открыли кингстоны – утопили. Отрадновцы в революционном порыве до материальных благ бесхозных непредприимчивыми оказались – всё пропагандой, да агитацией занимались. Досталось им мало чего, да и то пираты в свой набег на остров экспроприировали.

Рыбаки Мирного, те в забастовки и в революцию далече в океане рыбачили, на всех тогда четырёх сейнерах, китобойном судне и шаландах – потому ни кому из них смыться в ЗемМарию не удалось. Мужики из инженерно-технического персонала стройки, кое-что стащили в деревню, но мало, больше – в очках-то – стеснялись. Зато, как проявилось, не стеснялись в другом. Мужики-отрадновцы из земляков как-то в зиму голодную попытались наняться батраками в колхоз «Мирный», но мирнянские рыбаки воспротивились, особенно китобой женатые, чуть до драки у ратуши не дошло. Тамошний председатель колхоза упредил: выставил «на бочку» пару дюжин бутылок рома и столько же отборных шматков китовой ворвани на закуску. Но как не остерегались рыбаки и не противились китобой, в Мирное отрадновцы всё же похаживали – тайком, и мужики, и хлопцы. Кто к марухе на

свиданку в сопки, кто к девчонке на завалинку, а кто «кроликом подопытным» наняться. Уходили полеводы на огороды, рыбаки в море, в Мирном оставалась одна интеллигенция: учёные и инженеры разного толка. От безделья (полеводы их на прополку не звали, рыбаки в промысел не брали, женщины к хозяйственным делам не допускали) научные исследования и опыты проводили. Из нанявшихся «кроликами» особый интерес у очкариков вызывали небёны – скромные, наивные юноши-марсиане. Франца Аскольдовича и своего председателя колхоза заверяли, что в свободное от опытов время только в шашки и шахматы режутся.

В общем, колхозники Отрадного в межсезонье бедствовали. Одни я, Силыч, Кабзон да Камса в масле катались: сколотили концертную труппу и гастролировали по острову. В само Быково не приглашали, на их угодьях, на полях прямо представления давали. И в Мирное под «миску» не звали, у причала отрадновского рыбаки с китобоями, прокопав ступенями (скамьи) слежалый песок, соорудили что-то вроде амфитеатра с ареной, на которой квартет и демонстрировал своё искусство. В чём оно заключалось? Силыч случайно нашёл в одном из пустующих чумов два по три с половиной «пудовика» – гири спортивные. «Игрушки» неподъёмные, но только не для кладовщика. Ночью тайком приволок на продсклад и показал мне, Хлебу и Кабзону, заверял, что гири не просто чугунные, а с секретом. Верхние половинки с ручкой-дужкой свинчивались по резьбе с нижних полови-

нок, в полостях которых лежали по стальному шару, завёрнутому в силиконовую обкладку, чтоб не гремел внутри. Кабзон, в былом цирковой артист-жанглёр, те шары назвал «шарами Дикуля», по сорок пять кило каждый. Поднять и выжать удалось только ему, да кладовщику. Я, ушлый не в пример кашевару, прежде чем подойти к весу, потребовал «чугун» освободить от балласта. Поднял к плечу: «навскидку килограмм одиннадцать-двенадцать». Выжал. Хлеб от второго подхода, чтоб реабилитироваться, отказался. Репризу придумал я, да и все другие номера представления продюсировал и режиссировал. Начинался концерт выступлением «хора мальчиков», солировал звеньевой Хромой, дирижировал бухгалтер Батюшка. Пели русские народные. Овации срывали «катюша», «дубинушка» и «на земле будут яблони цвести». Мужик Селезень читал рэп, тоже не без оваций. Ну, и я с Камсой разыгрывали сценку «русский солдат готовит суп из топора» – очень успешно. Хлебу пришла идея готовить суп не в кастрюле, а в металлической бочке с крышкой. Воду, топор, крупу, мясо и лавровый лист исполнителям предоставлял устроитель концерта – это коллеги мои, завхозы колхозов «Мирный» в Мирном и «Звёздный путь» в Быково. Финальный номер зрителей сводил с ума, репризу с гири приходилось повторять на бис и браво. После как уносили бочку с супом, тушили и разносили кострище, четыре пары хлопцев выходили на арену и выстраивались по кругу, в руках держали по две трубы, обёрнутые в полотнища из

парусины. Затем Силыч и Кабзон выносили в центр площадки импровизированный помост, приспособленный из ящика два на два метра, невысокого. На помост водружали гири. Зрителям предлагали любому попробовать поднять «пудовик». Находились смельчаки, изъявляли желание, первыми были мирнянский боцман с сейнера, да Зямин шкипер. Подняли, но после попытки выжать, попробовали вытолкнуть – обломались. Камса, выступавший в представлении «ковёрным», в шутку перед подходом к весу всякому надевал на голову балаклаву задом-наперёд с объяснением «честнОму народу»: «чтоб глаза не повылазили». По моему указанию действовал: втирал честному народу. Опасался я, что заметят невзначай в гирях разъём двух их половинок. После тщетных попыток поднять «пудовики» зрителями представление начиналось. Силыч и Кабзон, стоя поначалу друг от друга на приличном расстоянии, жонглировали гирями – перебрасывали друг дружке «игрушки» по пятьдесят шесть, как заявлялось ковёрным «честнОму народу», килограмм весу каждая. По команде начинали сходитья и, уже на ближнем друг от друга расстоянии, снаряды не перебрасывали, а подбрасывали, да высоко так, что, пока те в воздухе кувыркались, успевали перебежать – поменяться местами. После хлопцы, а росту они за два метра, подняв над собой и раскрутив трубы с парусиной (по типу свитка), сходились ближе к помосту. Окружат, – спрячут силачей за импровизированной ширмой. С этого момента броски гирь в высоту «затухали», пока не

прекращались вовсе. И тут разнорабочий Тона начинал кухонными черпаками отбивать по крышке от бочки с супом «тревожную дробь»... тогда на арену выходил маэстро – я, ваш покорный слуга завхоз Коган, в былом замкомроты по тылу майор Каганович. Сбросив с себя всё одеяние, оставшись в одной «борцовке», я, вальяжно переступая в спецназовских берцах, разминался в проходке. Поводя плечами, приостанавливаясь и чуть приседая на ходу, переносил своё щедедушное, малого росточка тельце к ширме; скрывался за ней под вежливые реверансы (с налётом подобострастия учеников перед гуру) обоих атлетов. Напомню, я, как и Силыч, мехом по всему телом не зарастал, мои дряблые мышцы не выдавались и не перекатывались буграми, как у бодибилдеров, у тех же борцов римского стиля или у цирковых силовых жонглёров (Кабзон не в пример: высок, худ, жилист). Но вышагивал я по арене, что тот олимпийский чемпион неоднократно. Правда, восторг у публики вызывал не я собственно, а спецназовская обувка на ногах. Подошвы берцов «щучья пасть» я заправлял зелёной краской, которая в поступи проливалась в зубьях протектора, оставляя по арене флуоресцентные следы. И что – хлопцы ширму убирали – вытворял! Гири ввысь подбрасывал чаще и выше, чем это получалось у бригадира с кладовщиком. Зрителям невдомёк, что летали те гири полыми: «шары Дикуля» в мой чемпионский выход за ширмой вынимались и прятались в помост-ящик силачами «пожиже». «Браво» и «биз» не утихали.

Сваренный топор устроителю возвращали, а суп в бочке уносили в отрядновскую столовку на кухню – неделю каше-вар полеводов первым кормил.

Известными наши концерты скоро стали на всю округу, на Бабешку валом наведывались парусники менял, проходящие мимо острова по меняльному пути. Пираты напрашивались, обещали тихо-мирно повисеть в гондолах шаров над ареной. Я не позволил, потому, как могли сверху над ширмой усмотреть аферу – разборку гирь и заныканье под помост «шаров Дикуля», разоблачить. Пускали на скамьях посидеть. Безоружными, конечно, и с дарами (по бутылке рома) в оплату за входной билет. Устроитель на «джентльменах удачи» все затраты отбивал – с прибылью.

Но когда-нибудь конец удачам да приходит.

Меня измучила язва. Не выдержав болей, написал и передал Зямой письмо Главному хирургу Рабата, в каком просил извинения за свою трусость – отказ лечь на операцию. Слезно умолял прооперировать-таки. Хирург, араб, великодушный человек, лично прилетел на Бабешку и забрал меня мученика. В благодарность ему я прихватил на вертолёт – втихаря от Силыча, Кабзона и Камсы – знаменитую «гирию на винте». Ушлый, я сразу, только приподняв освобождённый от «шара Дикуля» «пудовик», смекнул, что не из чугуна та «оболочка», из золота, по весу тянула на одиннадцать кило. Распечатана на 3D-принтере с малой плотностью слоёв в толщинах стенок – облегчённых таким образом. Напар-

никам о том не рассказал, скрыл, предвкушая своё, придёт время, триумфальное: «Пилите, Шурики, – гири золотые». Сматываясь с острова, передал «ковёрному» записку с признанием и просьбой простить. Что ж, с одной теперь гирей показывала, теперь уже не полная, труппа репризу. Попробовали Камсой меня заменить, но фельдшер в первую же репетицию «убился» «игрушкой». Бухгалтера Батюшку, исполнявшего в колхозе и функцию священника, было привлекли, но оказалось «не тот компот»: мужик, подбросив гирю, прежде чем её поймать, осенял себя «крестом» – только улюлюканье и смех этим вызывал. Так что, финальным номером в представлении теперь ставили выступление «хора мальчиков» с песней «дубинушка». Зрителей из островитян поубавилось, на скамьях амфитеатра больше пиратов сидело – их то прибывало и прибывало. Для них, одним теперь приносящим доход устроителям, хор «на посошок» в программе концерта исполнял номер вне репертуара: пели «жил да был чёрный кот за углом». В конце концов, джентльмены удачи потребовали все репризы из программы исключить, оставить только «дубинушку» и «кота» – «по кругу крутить». И сколько бы так продолжалось и к чему бы привело можно только догадываться, пока однажды концерт не посетил председатель колхоза «Мирный». Пришёл и что увидел – скамьи в амфитеатре заняты сплошь пиратами. Указом Президента Пруссии «лавочку» прикрыли. В утешение мне, вернувшемуся на Бабешку после успешной в Рабате опера-

ции, указом президента было присвоено звание «Заслуженный деятель культуры Пруссии». Чтобы упредить моё рвение к художественному творчеству, по указанию президента председатель колхоза «Мирный» каждым днём засылал ко мне кого из «очкариков» в шахматы порезаться. С шахматами тот приносил бидончик козьего молока. С детства молоко не выносил, но с подсыпаемой в миску ягоды-оскомины, пошло. Черпал ложкой – вновь язву прободил.

От безделья, болей и зуда к творчеству заслуженного деятеля культуры на пенсии я предложил помощь Хлебу, скрытно сопровождавшему Франца Аскольдовича на Дальнее поле. Кашевар рассказал, что здоровье у председателя подкачало, два раза случался микроинсульт, откачивал. И я сам у Бати в последнее время отмечал подавленность, хандру и забывчивость. Сторожил его, лёжа между грядками из зарослей всходов и тихонько подкапывал детским совочком молодой топинамбур с корнями оскомины – «смотрел Москву». Но кислая ягода, как ни странно, боль в желудке притупляла.

Как-то в ужин подменял на вышке часового, Хлеб с Дальнего поля жестами позвал сменить его. Дождавшись часового, я поспешил к кашевару и Председателю.

Хлеб предупредил: «Прикорнул Батя».

Франца Аскольдовича я застал спящим на плащ-накидке. В обновке: широченные красные украинские шаровары, красные же сафьяновые сапоги; синяя поверх белого кушака блуза с чёрным бантом на груди. Зяма подарил «Уважа-

емому компаньону». В таких нарядах художники творили у мольбертов и поэты стихи читали с эстрад ресторанных в начале двадцатого века. Задолго до Хрона.

Рядом на плаще лежал комлог, не выключенный. Я знал, Председатель уединялся и затем, чтобы надиктовать что в диктофон. Наряды расписывает, учёт ведёт, отчёты пишет, воспоминания, наше житьё-бытьё фиксирует, доложил мне Хлеб.

Франц Аскольдович похрапывал, спал крепко, и я, тихо подобравшись, скопировал последнюю запись-ком с его комлога в мой. Перед сном на продскладе прослушал. С первых слов, понял, о чём записано – о вчерашнем с ним происшествии.

Фрагмент записи-ком скопированный из комлога Франца Аскольдовича:

...Пересилив нестерпимое желание закурить, я вонзил лопату в песок. Копал глубоко, добрался до слежалого пласта и в нём углубился на полметра. Опустился на колени в выгребную кучу и полез в ранец. Достал упаковку тушёнки – «оригинальную», не стандартного дизайна: не обычный для пищевых концентратов картонный «кирпич» с клапаном на углу или тубик пластиковый с колпачком, нет. В руках я держал ёмкость, пластически сформованную из пищевой жести и графически оформленную в образе пингвина. Упаковка пуста – «пингвин» опустошён и сплющен.

Зяма когда первый раз этой тушёнкой угощал, Силыч, по-

пав струёй содержимого себе в ноздри, чихая и кашляя, возмутился: «Какой дизайнер-болван придумал такое!». А кладовщик ведь добросовестно выполнил инструкцию для потребителя напечатанную под хвостом: свернул голову и высасывал тушёнку через клюв, надавливая на брюшко. Зяма, испугавшись гнева великана, растолковал инструкцию и научил в каких местах лучше надавливать – не под брюшком, а под крылышками, подмышками.

Сейчас в моих руках «пингвин» не только пустой, но и разрезан от шеи до промежности. В голове через уши пропущена бечёвка – как в амулетах. Связав концы на узел, повесил себе на шею. Достал из ранца ещё одну упаковку, эту полную тушёнки, и уложил аккуратно птицу (пингвин – птица, только нелетающая) спинкой на дно ямы; сориентировался на местности и развернул тушку клювом на запад ластами на восток.

Хотелось курить. Сел на прогревшуюся от колен землю и, махнув рукой с соглашательским «Ай!», достал-таки сигареты. Проворачивая в пальцах, рассматривал на всех шести гранях коробки изображения – они здесь на краю поля, на острове посреди Тихого океана, за четыре тысячи миль от цивилизованной Антарктиды казались необыкновенно красивыми. «Марл-бо-ро», прочёл вслух. Такие у меня первые за все годы на острове. Зяма на обмен привозил сигареты «Крепостные» запакованные в бумажный кулёк из листа старого иллюстрированного журнала. Их то и сигаретами не на-

зывали – сигарками. Хлопцы свои у мужиков на кульки пустые меняли. Меня Зяма одаривал персональным подарком: сигаретами в коробке без какой-либо графики, только с начертанием кириллицей марки «Могилёв» – курево гораздо качественнее сигарок. Не успевал я глазом моргнуть, мужики «отстреливали» всю пачку. Привозил меня из ЗемМари и самосад, так тот каким-то странным был: курили самокрутки в поле на прополке, выдыхаемый дым искрился. Боялись, вспыхнет воздух синим пламенем, опалит и посевы сожжёт. Но всё равно, ни «Могилёв», ни «Крепостные», ни самосад земмариийский не сравнить с той заразой, которой приходилось пробавляться на Уровне Марса, да и на «Звезде» зачастую – самокрутки из марсианского коралла «махра – хана тебе». Курили, в горле, и першило, и драло. Ну, хоть глаз от дыма не разъедало – жмурились.

Вздыхнув, я пересилил соблазн закурить и положил пачку на песок поодаль. Осмотрелся по сторонам. Хотя кому здесь быть? Не шляются ночами на Земле, тем более по острову с Богом забытыми посёлками Мирный, Быково и несчастным Отрадным.

Расстегнул и сбросил с себя портупею.

Снял кальсоны.

Присел над ямкой.

От кальсон в месте, что поцелее вырезал ножом лоскут. В штанинах с концов оторвал завязки. Сложил всё аккуратно, свернул трубочкой, перевязал одной завязкой и засунул

в пингвинье брюшко. Другой завязкой стянул в тугой свёрток кальсоны и опустил в яму. Сверху положил «пингвина». Вспоминал, правильно ли – лапами на восток – уложил. Забыл, как покойников – головой на запад или восток – в могилу кладут. Так и не вспомнив, яму завалил лопатой. Холмик, подумав, разбросал, землю утрамбовал и огладил лотком. Черенком в песке выложил крест. Подумал и потёр.

Похоронил, земля пухом... А это мне амулет на память, поправил я на груди «пингвина».

В глазах навернулись слезы. Не потому, что всплакнул, просто, «свечи» в носу засорились. Щекотало сильно, уже на смех порывало – пора было заменить.

Высморкался. Два отправленные в ладонь фильтра положил в пенал и вытащил пару других, с кулака, зажимая ногтём большого пальца поочерёдно ноздри, втянул оба глубокими вдохами. Подышал и чертыхнулся в голос.

Чё-ёрт! Опять перепутал!

Снова высморкался, «свечи» поместил обратно в пенал, достал другие из другого отделения и заправил в ноздри. Подышал. Теперь не щекотало. Вот эти – «макарики», очищенные «свечи».

Лёг на спину и энергично проделал упражнения на укрепление пресса, заодно согрелся – без кальсон стало зябко. А сел размять торс и плечи, увидел перед собой на песке пачку сигарет – совсем о ней забыл.

Ай!

Потянув за красную ленточку сбоку коробка, срезал её целлофан и отвернул на сторону крышку. Сигарету подцепить не удавалось: под ногтями «камни» соляные – не ухватить. Пробовал щелчком выбить из туго набитых рядов... да так и замер. Поразила идея.

Из ягоды-оскомины делать сигареты. Почему бы нет – пюре «Отраду» готовим, варенье варим, самогонку гоним. Высушенные усы нарезать мелко, наполовину добавить табака «Крепостных», чуть махорки от самокруток земмариийских, перемешать и завернуть в журнальную иллюстрацию – и готова... «козья ножка». Не хуже «могилёва» будет, а уж, той марсианской «ханы» и подавно. На подсолнечное масло выменяем у мирнян, на сливочное – у быковцев. С Зямой по рукам ударю: к самогоночке и варенью курево в комплект предложу... Нет, это должны быть не «козьи ножки», а сигары – такие, как до Хрона кубинские. В футляре керамическом. Глины на острове навалом. Слепить тубус каждой сигаре, обжечь, как «след», закалить на ветру – зазвенит. По бокам название: Oskomina. Силыч, резчик-любитель, клинковой резьбой нанесёт. Хотя нет, такое название неблагозвучно – нужно другое придумать.

Я, было, снова принялся щёлкать по дну пачки, но замер и вскричал:

Чего это я!! Какие сигары из оскомины – нет больше ягоды. Перевелась, а запасы съедены! От этой тушёнки из пингвинов склеротиком стану!

Сплюнул зло.

Прогрессирующая забывчивость пугала и угнетала меня. Первый симптом болезни отметил той же осенью, в какую выменял «след» на «Marlboro».

После как оф-суперкарго и Ваня ушли, достал, чтобы перебить соблазн раскупорить пачку сигарет, «пингвинов» – оставшихся в карманах кителя, потому не пополнивших тазик Силычу. Вспорол ножом животы, тушёнку – в котелок. Съел всё. Не выдержал, закурил-таки. Мальборо всё же, как ни хотелось раскупорить пачку, не тронул, «Крепостную» из кулька достал. Удовольствие ещё то, но не сравнить с тем отворачиванием, что переносил, потягивая с зажмуренными глазами, «хану». ...И уснул. А утром, пробудившись и осмотревшись по сторонам, никак вспомнить не мог, что за помещение с голыми из рифлёного листового пластика стенами, таким же полом и потолком; лежу в гамаке, из котелка рядом на полу воняет... Где я, что здесь делаю? То, что не в жилищечке, не дома, так это определённо нет: в квартире хоть стены, потолок, пол из такой же гофры, но фикус в кадке имеется – положен по статусу «Звезды», как спутника Головного на марсианской орбите. В потолке не иллюминатор с видом «красной планеты», а люк, должно быть, на крышу. И занавеска, замызганная в створе, такая на «Звезде» в обиходе не принята. А за приметив дюжину распотрошённых «пингвинов» в углу, заглотив банку варенья со стола, запив киселём, икнув с отрыжкой, вспомнил: полковник я, некогда коман-

дир роты спецназа ВДВ, теперь председатель правления колхоза «Отрадный». В закутке колхозного спального барака, на Земле я.

Поначалу испугался: не старость ли подкатила, не маразм ли на носу, не кончина ли безвременная близка. Впрочем, смерти не боюсь – жизнь тошна, хуже не бывает. Уж это-то я помнил, такое не забыть.

Среди полеводов мужики примерно моего возраста, те же завхоз Коган, кладовщик Силыч, бригадиры и звеньевые, но ни один из земляков на забывчивость не жаловался. От «Могилёва» склероз этот: один курю. Хотя, вряд ли, искал я причину недуга. Черепашью тушёнку ел, не было таких провалов в памяти, а из пингвинины зачистил, Зяма привозил, начались, да такие сильные, пугающие. Полеводы не жалуются, они тушёнки той едят редко – не научились выгодно меняться и удачно жертву для личного прироста избирать. От неё, от пингвинины.

В том, что забывчивость неспроста я уверился, припомнив один случай. Меняла – не Зяма, американец – подарил тушёнку из черепахи не в обычных пакетах-кирпичах, а в поллитровых пластиковых ёмкостях, сформованных под образ черепахи. Это русский дизайнер спёр у коллеги, американца, идею: пингвинью тушёнку в «пингвина» запаковал. Только надломил я, сглатывая слюну, черепахе хвост, как услышал топот по бараку. Коган, так понял, – чуйка у завхоза отменная – ко мне в закуток летит, подарок оприходовать.

Бросился прятать. Коган порыскал в тумбочке, нашёл и показал со злорадством пояснительную и предупредительную надписи на обороте панциря у хвоста: «Тушёнка извлекается сломом хвоста». Вторая надпись: «Переедание тушённой опасно, возможно, провоцирует амнезию». Эту на английском чуть различил, не заметил сразу: под хвостом напечатана мелким шрифтом. Черепахи я мало ел, американец только пару-тройку раз и угостил, Зяма раз только и привёз. Пингвятину регулярно не ел, обедался с каждым приходом на остров Зяминоного парусника. «Разводил» самого патрона и команду его, с прибытком во всякую навигацию оставался. Выходит, «птичка» амнезию спровоцировала. Упаковка без каких-либо надписей, тушёнка в Твердыне произведена, а там будут тебе заморачиваться подобными, как с «черепахой» дело, предостережениями потребителю. Мясо из птицы – тушёное, ешьте, насыщайтесь, пока на материке не перевелась. Всяких там вредных пищевых добавок, загустителей, вкусовых усилителей, приправ там разных, априори нет – откуда в Антарктиде, да ещё в послехронной. А то, что амнезию можешь заполучить, так – это всего лишь «возможно», в теории, «это другое».

Провалы в памяти случались всё чаще и были всё глубже, а наступало просветление – недавно мне открылось – после как съедал оскоминовое варенье, замешанное в жбане с маком. Как и чем ускорить – быстро вернуть память – осознал после спецоперации. Так:

Утречком полез в потолочный люк на крыше отлить, глядь, сорок человек слоняются туда-сюда по плацу на фоне гондолы ветролёта. Прочёл надпись по борту: «Патрон Зяма». Какого чёрта, подумал, ведь укроп и петрушку вчера... – да нет, мешки подмороженного топинамбура отгрузили. В обмен за канистру бензина. Присмотрелся. Нет, не слоняются, маршируют строевым! И выглядят по-уставному, худо-бедно: тельняшка под пояс заправлена, голенища сапог раскатаны, латунь пряжки ремня на трусах надраена. Каргоофицеру... – ну да, Ивану у сходней – честь отдают, всякий раз мимо проходя.

Мне, узрели на крыше, отдали!

Тут же вспомнил, что эти сорок человек – полеводы, и должны быть в одном исподнем, но не мог припомнить почему – в тельняшках, трусах и резиновых сапогах. Поверх трусов – ремни с пряжками, на каких выштампована символика... ну да, два перекрещённых на якоре ствола дальнобойных орудий... земмарийского Войска береговой охраны. Не сапоги на них... боты! Кто эти полеводы, на самом деле? Сам я кто такой?

Глянул себе на грудь – тоже в тельняшке!

– Эй! Ты... в ботинках! Подойди! – подозвал я толстого лысого гиганта.

– Иду, Батя.

Пока гигант нехотя поднимался с приступков сходней и вразвалку, не отдав чести сосунку, плёлся к бараку, я при-

сел у себя на лестнице, только голову оставив в проёме люка. Пошарил рукой по стеновым полкам в поисках жбанка с вареньем, но... нащупал жбан с киселём. Выпил – опомнился чуть: «Я – председатель колхоза «Отрадный», и зовут меня Председателем. С провалами в памяти могут и переизбрать, сместить с должности. ...А этот лысый верзила кто он? Батей назвал. Обут в берцы... явно воинские! А-а-аа! Силыч... кладовщик на продскладе, помощник завхоза Когана, правой у меня в колхозе руки.

– Слушаю, полковник, – проговорил кладовщик, сойдя с плаца и став под крышей барака.

– Че-е-во?

Выроненный жбан упал мне на босую ногу, на стол, скатился и загрохотал по гофрированному полу.

Силыч выплюнул и торопливо затоптал в песке окуроч, вытянулся, козырнул и доложил:

– Ротный каптенармус прапорщик Лебедько по вашему приказанию прибыл!

– Это... вольно... Собрать у роты боты! – Поражённый своему такому приказу, я сник с глаз великана, накрывшись крышкой люка.

– Так только выдал, вы распорядились по случаю успеха в «ЭСВЭО».

Меня полковником назвал! Едритваю мать. С какого такого лешего? Кальсоны на мне гражданские. Но... – тельняшка... Е-едри тва-аю мать! Под тельняшкой – портупея офи-

церская! Где жбан.

А тут кашевар Хлеб от столовки заорал: «Сне-е-дать! Сты-ы-нет»!

Я снова полез к люку, приоткрыл и, зыря в щель, ждал, пока все не уйдут с плаца строем завтракать. Вылез на крышу и пробежал по ней, пригнувшись и крадучись в опасении, что заметит часовой на башне водокачки. В конце барака вправил в ноздри «свечи», спрыгнул на землю напротив входа под купол «миски» и поспешил в направлении Дальнего поля – хотел уединиться и вспомнить всё окончательно, наконец.

Силыч, не обратил я на то внимание, за мной тихим сапом увязался, стараясь не топотать, но и не отстать.

Я бежал, зашекотало в носу, и понял, что по ошибке достал из пенала «макарики» использованные по числу раз сверх нормы. Что со мною не раз случалось, если не сказать, что через раз. Кладовщик устал мне напоминать об отделениях в пенале с фильтрами – для «свечей», «макариков», НЗ. Но в пенал я снова не полез, фильтры не поменял. Высморкал в кулак и «поменял ноздри».

Я полковник! На мне тельняшка поверх офицерской портупей. На пряжке якорь с пушками, на ногах, хрон ты забери, матросские прогары... ЗемМарийская береговая охрана, рассуждал я на бегу. На сельхозработках рота... Да какая рота – взвод... Что-то припоминаю. Ну, точно! Матросскую форму, кителя, клеши – хотя, какие клеши, «дудочки», да и

те, припоминаю, не выдали – обменяли с голодухи на семена, химудобрения и... ворвань... Но просто ли на сельхозработках, что как это прикрытие? Что как с секретным заданием здесь мы? А я ни черта не помню! Косим под колхозников с задачей, например, выявить контрабандистов. Этот патрон Зяма, явно не простой меняла. Контрабандист – возит на остров спиртное... Е-едри тва-аю мать!! Он самогонку возит, мою! С острова на материк. Силыч, кладовщик этот... Силантий Лебедько, каптенармус, прапорщик, её из топинамбура с ягодой-оскоминой гонит!

В носу защекотало нестерпимо – захихикал.

Зяма, он в прошлые навигации парусник свой сначала загружал в колхозах «Мирный» и «Звёздный путь», а стал мою самогонку и варенье брать, – в «Отрадный» прежде наведывается. Мои мешки с топинамбуром, припрятанными в клубнях штофами и банками укладывает на дно погребов в трюме судна, поверх маскирует мешками с урожаем других колхозов, таможня и остаётся с носом.

Хихикал.

Стоп! Колхоз «Звездный путь»... Звёздный... У Лебедько на ногах не берцы простые, в «бацулы» обут, по спецзаказу сшитые... Да это же БККСКП! «Щучья пасть»! Мы не береговая охрана альянса ЗемМария, мы десантники, подразделение спецназа ВДВ. Марсиане мы!

Смеялся.

– Товарищ полковник!.. Да постойте же! – услышал я по-

зади голос запыхавшегося Силыча.

Обернулся – кладовщик нагоняет.

– Марсиане мы! Ха-ха-ха!

Хохотал...

– А вы забыли? – догнал Силыч. – С памятью у вас, Франц Аскольдович что-то неладное. Сколько раз я инструктировал, высморкались, фильтры положите в отделение пенала – то, что слева; из центрального отделения берите фильтры чистые, их «макариками» называем, в третьем крайнем отделении находятся «свечи» ни разу не использованные, «энзэ». Засунете в нос, отдышитесь четыре часа, помните, поместить на очистку должны в кошель на боку пенала. И на смену достать «свечи». Ну как дитё малое, сто раз на дню повторить надо. Совсем худо с памятью? У вас рецидив на тюльку, похоже, вообще на оскомину. Эта ягода ещё наделает нам беды.

– А могу использованные фильтры в планшетку класть, не в кошель пенала? Заклёпка неудобная.

– Не пойдёт, – возразил кладовщик. – Пенал, как и кошель к нему не из кожи, из коралла «морская звезда» – «дышит», потому фильтры не сохнут, – полез Силыч в мой пенал. – Смените, опасно так долго хохотать, свихнуться ж можно.

– Прекрати «выкаты», и дай закурить, – потребовал я, сменив фильтры.

– «Могилёв» будешь?

– Раскури. Что за спектакль устроили на плацу? По строю соскучились?

– Так ты же приказал. – Удивлённый, Силыч заложил себе за ухо сигарету и полез в пачку за второй. – Вчера за ужином перед Зямой марку держал... Закрой пламя от ветра... Приказал старшему сержанту Кобзону чтоб... с подъемом, взвод... на плац. Здесь на острове, забыли, не рота, только третий взвод, первый и второй в ЗемМариин остались, прохлаждаются на Крепостной губе. Мы – в бегах, и в настоящий момент якобы на сельхозработках, с испытанием на выживаемость. Ха-ха. Ну, так вот... Кобзон... и посчитал, что... приказываешь строевой подготовкой заняться. Ведь мешки с топинамбуром, все семьдесят шесть, загружены. Ну, наконец, раскурилась.

– Семьдесят два.

– Чего? Да нет же, семьдесят шесть, я то хорошо помню. Семьдесят пять фляг с «Фирмой» выделил среди банок с вареньем разместить. Мешок семьдесят шестой только с одной «грушей» и чучелом боцмана. Не забыли, помните?

– Четыре у Селезня экспроприируй. Если не выпиты. Варенье им оставь, хорошо разведчики сработали, молодцы.

– А-аа, понял. Оставляю варенье. Что «Фирма» не выпита, надежды нет. Всем отделением свалят вину на Пузо Красное. У бедняги аллергический криз, «Фирмой» только и спасается. А ещё, как ни странно, хохотом. Когда хохочет, пузо не расчёсывает, забывает про зуд... или забывается. Правда, после апатия смертельная наступает, почему и говорю вам, опасно долго роготать. Доложу вам, Пузо дышит неочищен-

ными «макариками» – намеренно. Уверен, не путает отделения в пенале, как ты.

– Ты определись, ко мне на «вы» или на «ты». И это, не полковник я сейчас, председатель колхозный. Тебе позволяю и Батей, не за глаза, называть.

– Председатель, Батя, ты классный мужик, свойский. За что и ценю. А насчёт колхозников, их спектакля на плацу... Прикури вот вторую сигарету. Не хочешь, а я подымлю. По правде... сказать, соскучились мужики... и хлопцы по уставным... отношениям... Может, возвернёшь? Порадуешь... Фу-у-у. Эта сразу, хорошо раскурилась.

– Нет уж! хрона с два им. Будут свои «нолики» и «крестики» получать. Дай ту «могилу», что у тебя за ухом, и зажигалку – я сам раскурю. Послушай, вот не поверишь, у меня с порченными «макариками» в носу память просветляется. Ей-богу. Ты думаешь, зачем я сюда на Дальнее поле хожу? По пути поохотать – вспомнить. Самый эффект, когда, после как подышу ими, зараз жбанок варенья съем и киселём запью. Хрон мне в печень.

– Для пушего эффекту маком тебя наделю, в варенье мешать. Я Зяме в банки подсыпаю, он не знает. Мужики марухам своим носят, хлопцы девчатам коробочки в пучках петрушки дарят. Цветы «анютины глазки» подарить, так нет – стесняются. Пацанва. Я к чему, бабы мужьям про мак сболтнут, пацанва с девчонками на завалинке детей зачнут – прознают мирняне, что мак на Дальнем поле выращиваем, что

красные цветы жёлтыми маскируем, топинамбуром. Запретил бы мальчишкам маком баловаться, знаешь ведь, Зяминых презервативов мужикам одним не хватает.

– Распоряжусь.

– Вернее было бы приказать. Коган и я приструниваем, но за всеми не уследишь.

– Время настанет, прикажу. Ты Зяме мак намешивать прекрати, негоже компаньона... уважаемого... обманывать.

– А куда девать? Зяма мак не берёт, американские менялы не отказываются, но редко Бабешку навевывают ко времени завершения сушки. Я им в варенье с четверть банки мака подсыпаю, «Фирмы» чуть подливаю. Потребляют янки смесь ложками, за ушами трещит, только давай.

– Прекратим мак выращивать, коноплёй займёмся, полагаю, она на Дальнем поле тоже даст хороший урожай. На «травку» Зяма, думаю, согласится. Насчёт дефицита презервативов... действительная цель «эсвэо» не только угоститься в гондоле, с оф-каргоофицером договориться завозить нам презики на обмен за «следы».

– А я-то думал «следы» печёшь для личной только выгоды. Мне не перепадало, я и не обращал твоего внимания на то, что с меня ты только правую бацуну снимал. Каждый раз. Как эти американцы «тупые», которым ты впаривал «следы», не допёрли, что они только от правой ноги, ни одного отпечатка левой. Если для общей пользы, возьму готовку «следов» на себя. Только ты к презикам и сигареты закажи,

«Гродно» добрые, лучше «Могилёва».

– Закажу. «Гродно», да, добрые. Американцы «тупые» угощали. (Не знал Батя, не угощали вовсе американцы, я у них «Гродно» на «оскомину со вкусом» Силычевым выменивал.) Теперь чуть что забуду – за жбаны с вареньем и киселём, и «макарики» порченные в нос. Под «миской» – тайком от полеводов. Подумают ещё, рехнулся их председатель правления. Сразу же бегу к себе в закуток спального барака, голову в ранец и хохочу в надежде, что память скоро вернётся. Успею, не придётся тюлькой догоняться и факелами плеваться. У Хлеба в каморке хоронюсь. На кухне помогу тебе отпечатать в глиняных лепёшках правую и левую бацулы – «следы» печь. И да, припомнил, Хлеб снедать звал к первому завтраку – «разминочному», через час Зяма с командой заявится ко второму, «отвальному». Бросай дымить, пошли, хватятся нас.

Завязать с пингвиньей тушёнкой мне надо было давно, не тянуть. Это же смешно: никак случилось, не вспомню, что проставлять полеводам в табеле за невыход на прополку – «нолики» или «крестики». Как-то раз в спешке съел варенье без мака – получилось, но не столь быстро, как с ним. Долго вспоминал, что полковник, командир роты спецназа я. Но что и на должности председателя колхозного правления вспомнил только, когда разнорабочий Тона поздоровался:

– Добренькава вам сдаровычка, Председателя-сан.

Моя попытка в открытую всучить мак Зяме возымела

провальное последствие. Посеяли на Дальнем поле, всё время пока цвёл, полеводы красные цветы маскировали стеблями с жёлтыми цветами здесь же растущего топинамбура. А ну как соседи мирняне определяют, что за посевы, и тоже примутся выращивать мак – создадут конкуренцию. Решил упредить, и по осени предложил урожай Зяме.

– Да ты что, дружок! Опий возить предлагаешь! Сколько моих коллег поплатилось, не знаешь? Нет уж. Самогонку и варенье – ладно, но наркотик – нет!

«Шапку» в охапку и дал деру из закутка. Ара в чалме высунулся и в створе занавески прокричал: «Атас! наших бьют!». Гиацинтовый попугай оказался не чучелом, живым! Я не замечал.

Ухватить сигарету «каменьями» удавалось, но вытащить из пачки никак, только фильтры потрепал. По пришествию двух минут безуспешной возни, стукнул себя по лбу и прокричал громко, разъярённо:

– Та-а-ак!! В завязку! Полную!

В стороне от первой вырыл вторую яму, высыпал в неё из ранца с полдюжины «пингвинов», уложил штабелем всех ладьями на восток и закопал. Песок разровнял и разгладил ладонями. И на этой могиле крест лопатой выложил, но, опять же передумав, потёр.

Лучше голодным буду, чем идиотом. Забыть – сокрушался я – про вторую в пачке ленточку!

Ругая себя и присев с голой задницей на корточки между

свежими могилками, я принялся отколупывать в пачке эту самую вторую красную ленточку, потянув за которую и вытащил сигарету до половины. С нетерпением поднёс ко рту, подхватил и вытащил губами за фильтр.

Не «хана тебе», не махорка, не «Крепостная», не «Могилёв» тебе, даже не «Гродно» – Маль-бо-ро!

Прикурил от зажигалки, неловко пытаюсь поймать огоньком кончик трясущейся в губах сигареты.

С зажигалкой, вещицей старинной в корпусе из платины никогда не расставался: подарок любимой женщины, на которой так и не женился – Хрон помешал. Лицензию на бракосочетание нам не дали – на том основании, что получили места в Анабиозарии Сохрана Исхода. На Марсе любимая, пробуждённая от анабиоза раньше, сошла с ума и вскоре умерла в «Печальном доме». Зажигалку подарила у меня в офицерском общежитии после ужина в ресторане и счастливой ночи. В четыре утра нас разбудил шум и беготня по коридору: Капитан бин Немо вышел в телеэфир по всему миру со своим ультиматумом – людям, кто хочет жить, обратиться с Земли. Утром этим зачинался день одиннадцатого сентября – мой День ангела и скорбный день уничтожения террористами Всемирного торгового центра в Нью-Йорке, за тридцать лет до моего рождения. Теперь вот, и день начала Хрона. В Анабиозарии, когда укладывали спать в «гробу», зажигалку я спрятал за щекой, тайком.

Затянулся.

Дым выпустил «колечком».

Затянулся ещё раз... и оторвал часть сигареты: с фильтром – «хану», «крепостные», «могилу», курил – не забирало.

По профессиональной привычке спецназовца-засадника сигарету держал спрятанной в кулаке. Это забытое правило несколько смягчало укоризну председателя полковником: «Достать из пачки и выкурить первую «мальборо» ты, когда намеревался? Когда добудешь ещё такие же сигареты, или, когда на остров прилетит «бээмэмпэ» за взводом».

А и хорошо, что не удержался: прилетела бы БММП, угощали бы ребят сигаретами, я бы со своими «камнями», не помня о второй в пачке ленточке, в фильтрах колупался бы»: разглядывая ногти, оправдывался председатель перед полковником.

Полного кайфа, какого желал, не поймал: выдыхать дым приходилось через рот, а любил через ноздри. В носу – фильтры. Попытался попробовать. Дым приятно пощекотал в носоглотке... Чихнул. Начихался. А менял «макарики», наглотался большого воздуха. Правда, не испытал при этом ошутимого, как то случалось поначалу «сидения» на острове («свечи» приходилось экономить) отравления. И рвоты не подступало, и голова оставалась ясной. Нахвататься «заражёнки» десантникам случалось в других местах планеты, однако, здесь на Бабешке, с удивлением – в последнее время – отмечал, что пагубного, как то бывало, например, в Европе и

на североамериканском континенте, воздействия не ощущалось. Относил это насчёт большой удалённости Бабешки от континентов. Здесь на острове, должно быть, меньшая концентрация ядовитых составляющих в атмосфере. Но вместе с этим знал, что жители двух других деревень Пруссии оберегались тщательно – ни на минуту не снимали респираторной маски. И этому странному явлению, как и амнезии своей, искал объяснение. В конце концов, пришёл к выводу: пингвина в сочетании с островной ягодой-оскоминой виноваты. В Мирном и Быково тушёнку такую не ели, и ягоды-оскомины той, что на Дальнем поле произрастает, там нет. Да и вряд ли мирняне и быковцы об этой еде вообще что знали. Почему? Потому, что дешёвых из Руси «пингвинов» американские и арабские менялы в Пруссию не возили. В Мирном – рыба; в Быково – мясо. А если что и завозили из консервов, то исключительно тушёную океанскую черепаху в «черепахах». Зяма, тот ещё делец, на халяву, и точно с большой выгодой, нам «дешёвку» впаривал.

Выкурив сигарету, вспомнил, что у зажигалки есть особенность – в корпус встроен мундштук. Заправил окурок и высмолил бы весь без остатка, да вспомнил о «следах» с впечатанными предметами, обещанных оф-суперкарго и Ивану. Затушив пальцами, бычок положил в карандашный пистон планшетки и, повторив «ай», подзадорив в себе председателя, послав на хрен полковника, выкурил ещё одну сигарету. Затягиваясь, горюнился: «Было, посылали кого-нить на хрен

или «нахэ», теперь – у идиотов – на хрон. Просрать угрозу террористов. Увлечлись всякими там ковидами, рептилиоидами, травлей коммунистов и масонов – «соринками» занимались и проглядели бревно в глазу. Идиоты».

Покурив, я смотрел в небо. В тучах, оно оставалось тёмным, но уже ненадолго. Надо до рассвета поспеть в деревню, чтобы до подъёма успеть надеть другое офицерское исподнее. Новенькое.

Встал, подошёл к краю грядок с озимыми и сел, подложив под зад планшетку. Сидел, смотрел на пожухлые стебли. Вспомнил, как прадед – он на пенсию вышел генералом с должности комдива ВДВ – рассказывал про Афган, где пришлось повоевать смолоду. Старик шепелявил: «Летом там поля крашные, крашные. Крашатища. Но от «заразы»! Смотри, внучок! Ширяться начнёшь, а хуже того «баянами» приторговывать, – руки-ноги пообломаю».

Протянул ступни и зарылся пальцами в грядку. Песок ещё хранил вчерашнее тепло.

– Раз опий нельзя, сигарки «конопляные» замутим. Прости, дед. Сам курить не буду, обещаю. Мужикам и хлопцам не дам. У меня, дед, положение безвыходное: голодные колхозники – не солдаты, не прикажешь пасти заткнуть.

Вдруг в небе посветлело: луна пробилась сквозь тучи.

– Это твой, дед, знак!? Ты благословляешь? Впрочем, святым ты не был, как и я. И Господь меня ещё покарает. Уже покарал: в преисподней гореть или в колхозе этом пахать –

всё одно... Все мы, люди, наказаны: не в аду горим, так на Земле вымираем и на Марсе с ума сходим.

* * *

Эту часть записи-ком (как бы продолжение части первой) мне по моей просьбе скопировал из комлога Франца Аскольдовича Хлеб:

...Я отстегнул с пуговицы кителя комлог, поднёс аппарат близко ко рту и начал неспешно, тихо наговаривать в диктофон.

Ну, о чём этим разом?.. День прошёл обычно: подъём спозаранку – и в поле на прополку, без завтрака; в обед пюре «Отрада», тюлькой запили, факелами поплевались и снова в поле на прополку; в ужин по кружке киселя «пустого» – и в поле на полив, до отбоя.

Коган доложил, что засушенная оскомина – запас прошлогодний – заканчивается. Не будет ягоды – не из чего будет «Отраду» готовить, варенье варить, «Фирму» выгонять. Ягода не растёт: оскоминица захирела, сеть её почти пропала, не плодоносит.

Довольно удачно поменял петрушку с укропом на макароны у менялы-американца. Зяма бензином помог, шесть литров отжалел. Мог и полную канистру дать. Ну, жмот... Макарон до того как поспеет молодя «груша» хватит, а там... Не родит, видать по всему, и топинамбур. Заголодаем. На киселе одном без тюльки станем конченными алкоголиками. Не приведи, Господь.

Кстати, рецептик запишу для памяти:

Топинамбур потереть на тёрке. В «белену» – так Коган называет тёртую «грушу» – добавить горсть ягодин на жбан надранки. Ягоду брать не засушенную, выкопанную и снятую с оскоминицы на заре. Соль добавить по вкусу. Обязательно крупно порубленную, и не в тазик, а уже в ямы с надранкой прокисшей и почерневшей. Тщательно перемешать и взбить – Камса миксером служит. Ставить брагу непременно в полночь. Ямы накрыть.

Забродит до консистенции пивного сусла, в полночь ещё добавить по восемь больших жбанов ягод на яму и дать побродить сутки.

А завоняет гуталином, сусло переложить (непременно руками) в кастрюли и сварить кисель; дать побродить в темноте и прохладе, а протухнет, залить в самогонный аппарат и гнать. Перегнать, желательно два раза.

В первач добавить по одной отборной, переспевшей ягодине на штоф и чуть настойки из лепестков цветов «груши» с «анютиными глазками». «Фирма» – отрадновская, как есть. В кулеш из «Отрады» с «Фирмой» в жбанках булькнуть по одной спелой яголке («вишенка на торте») – тюлька «нашенская спецназовская» готова.

Вот таков рецепт.

Если в тюльку подсыпать порошу, вдохнуть, выпить, выдох поджечь от зажигалки – пламя, как из огнемёта. Забава полеводов. Поплывать факелами – этим мужики с маруха-

ми в сопках греются, а хлопцы развлекают мирнянских девушек на завалинке и от парней местных отбиваются. Станут во фронт, махнут тюльки из фляг, выдох подожгут от зажигалок и залпом по кодле с дрекольем, с цепями и тросами. . . Надо бы Селезня к сейнерам растасканным и на развалины бетонозавода отправить, но вряд ли уже что там найдёт стоящего. Раньше надо было, как только очутились здесь на острове. Разве что, плит бетонных да кирпича натаскать – на месте ратуши площадку посадочную площадку выстроить, а то шкипера менял жалуются, что в мусор и ямы отхожие якоря попадают. Арабы, те так и вовсе прекратили в Отрадном появляться. После, как якорь в дерьме утопили, и на причале пару раз привечали: под ручником по традиции накрывавшего хлеб-соль шмат китовой ворвани да шматок свиного сала лежали. Не иначе, менялы-американцы «свиною подложили». Ясен пень, не без участия Когана – его, еврея, проделка. Хотя, ладно, проку от менял-арабов никакого – ни выпивки, ни сигарет. Финиками поначалу одаривали, так и то прекратили, резонно посчитав, что им ничего не прибудет – от отрадных теперешних нищих.

Что ещё?.. Память у меня всё ухудшается. Просыпаюсь, за банку с вареньем и «макарики» в нос: вспомнить, где я, кто я. Боюсь маразматиком конченным стану. . .

Ах да, открыл-таки пачку «Мальборо», с фильтром сигареты не пошли, отрывал.

Да, самое главное: похоронил «пингвинов», всех. С каль-

сонами моими. Первых в знак того, что тушёнки из птицы больше ни на зуб, а вторым срок годности вышел, вконец износились. Кальсоны у меня неуставные, вязаные, полушерстяные из ниток мохера земного и «мохерни» марсианской. Жена племянника пару связала и подарила нам. На «Звезде» не носили – берегли, чтобы взять в кампанию на Землю. В прошлом плотной вязки, вытерлись в паутинку, до дыр. Сейчас пойду, надену новенькое исподнее, офицерское. Носил кальсоны в заплатках парашютной тканью, когда колхозный фельдшер Камса, обходясь одним медхалатом, трусы не надевал. Их ему на гауптвахте выдали не в пору, слишком большими в размере. Силыч надоумил использовать, подсказал, где прячет. Достать и надеть надо засветло, а то полеводы перед подъёмом частят на двор отлить – увидят председателя правления голого. Вот смеху будет. Обхохочутся.

Который год мы на Бабешке? Забыл... Во вторую посевную, год только справили «сидения» на острове, отменил уставные воинские отношения. Во второй уже год мытарств в колхозе, когда урожай собрали с гулькин нос, понял, что сельхозработы затянутся. Не ошибся: Зяма доставил приказ командующего продлить сельхозработы на шесть лет. Новое правительство Марса из арабов смерти нашей хотят... Семь лет выходит. А был заключён мир и межпланетные отношения наладились, актуальная до того задача спецчастей ВДВ – теперь ОБМП, Особенных Войск межпланетного реагирования – добывать на Земле оружие отошла на второй план, пер-

воочередным стало производство лекарств, провианта, еды. Вот и впрягли нас, но какие из солдат крестьяне? Мужики – земляки, на Земле до Хрона родились в городах – и те не знают с какого конца мотыгу в руки взять. Профессиональные военные. А что уже говорить о хлопцах – небёнах, появившихся из крио-тубусов на «Звезде». Они, высаживались в тренажёре полкового тира «якобы на Землю», в траву ступить боялись, а попробовали в ЗемМариин впервой огурцов, плевались и утверждали, что коралл «пупырчатый» – и красивее, и вкуснее.

Семь лет пахать в этом грёбаном колхозе! Но есть у меня предчувствие, что этой зимой всё-таки заберут нас с острова. Дай-то Бог. «Миссия бин» не отменена, командование и Коммандеру Исхода мы нужны. Надо успеть полеводов подтянуть – вновь обрести форму спецназовца. Что там? Физзарядка, пробежки, каратэ, самбо. Форменку надобно как-то вернуть. Прибудет за нами «бэээмэмпэ», а мы тут в тельняшках и трусах... Я стою, в сигаретных фильтрах колупаюсь... Ай! Пошёл бы, ты полковник! Закурю... А не заберут, налажу производство «козых ножек». В гробу я видел эту петрушку, укроп и грушу.

Ну, всё, конец записи. Пора в деревню возвращаться, трусы новенькие надеть.

Я выключил комлог, поднялся и, перебросив через плечо портупею с ранцем, прикрыв планшеткой «слона», лёгким бегом направился к Отрадному.

* * *

Через час вернулся и, ругаясь, бегал по краю поля. Планшеткой не прикрывался: светало, но ветер пыль поднял, увидеть меня голым со сторожевых вышек Мирного и Быково было невозможно.

Сволочь! Резчик клинковый! Баран жирный! Хрен лысый! Где те могилы? Пометил же крестами, нет потёр... Я тебе это ещё припомню! А чтобы не забыть, запишу.

Включил комлог и торопливо надиктовал:

Сволочь! Резчик клинковый, Баран жирный, Хрен – не хрон – хрен лысый! Председатель, выбрось свои кальсоны, трусы фельдшера поносишь – он их не надевал даже, велики. Давай нарисую место, где прячет. Я – остолоп! – повёлся! Полез рукой через вентиляционное окошко под стреху крыши нужника, сорвался – в очко ногой угодил, планшетку чуть не утопил. Хорошо, пол не обвалился, и ногу уже в яме успел согнуть – не вляпался. И тут слышу, дверь скрипнула. Кого-то по нужде подняло среди ночи. Но дверь не спального барака, больнички. Услышал и усмотрел через отверстие в дверке будки.

Силыч, как только смонтировали галюн, в дверке той вырезал две дырки в виде сердечек и по контуру украсил узором флорентийской прорезной резьбы. Зашедший по очереди в будку солдат обязан был, присев над очком, высунуть наружу кулаки – показать тем самым, что занимается исключительно отправлением естественной надобности «по-боль-

шому». Если «по-малому», тоже надлежало присаживаться и кулаки демонстрировать. Год так попользовались десантники гальюном, а переименовали его с началом гражданской жизни в «нужник поселковый», по ночам по нужде в будку не ходили. До утра терпели – как я полагал. А как-то за полночь вылез в потолочный люк председательского закутка на крышу, спрыгнул на землю и... «подорвался». Сюда под стену барака ходили, мерзавцы. «Закладки» разминировать не приказал – колхозникам-то – песочком попросил присыпать, оставить сохнуть. Удобрения, как ни как. Так вот, смотрю я через сердечко... и вижу, Камса мчит. В своём под телогрейкой медхалате. Трусит по плацу, озирается по сторонам. Залез на стену фундамента, спрыгнул и к нужнику по тропке крадёт осторожно. Высматривал, понял я, видны ли в дверных дырках чьи руки. Своих я, разумеется, не высунул. Я, стоя у двери, кулак поднял – чтоб по голове одним ударом наповал. Но фельдшер внутрь не зашёл, обошёл будку кругом. Слышу, под стреху крыши лезет – в тайник свой. Я на цыпочках к окошку. Смотрю, вытащил свёрток, развернул трусы. И надел поверх медхалата с телогрейкой. Действительно, трусы ему велики, на меня впору. Ё-моё, телогрейка-то... вся в пропалинах. Фельдшер присел на корточки у стены будки, я же тихонько, стараясь не скрипнуть половицами и дверкой, выскользнул наружу. Интуиция меня не подвела: Камса вытащил из фундамента пару камней и пролез внутрь будки. Стал напротив дверки (наблюдал я за

фельдшером уже через узор флорентийской прорезной резьбы, снаружи) и сунул в обе дырки по человеческой кисти рук, вырезанных из больших клубней топинамбура. Настолько со виду реалистичных – от настоящих не отличишь. Силыч, надо отдать ему должное, искусник в резьбе. А смотри я через «сердце», не через прорезной узор?! А так только волосы мне причесал пальцами из подвявшей «груши». Кстати сказать, прапорщик Лебедько, оказалось, первый урожай не весь потратил на выгонку самогона «свечи» чистить – вырезал из клубней эти самые кулаки человеческих рук и сбавлял десантникам за пайку, потому и в голод не худел, боров жирный. Приобретение своё хлопец применял по назначению: поделку просовывал в дверную дырку и свободной рукою баловался себе вволю. Обо всём этом я не знал, завхоз Коган рассказал за «чашкой чаю».

Так вот, Камса лазом скрылся в норе. Полез! Куда?

А лазил фельдшер – кашевар Хлеб его сдал – подземным ходом в продсклад, что в подполье столовки, где в кладовой установлен самогонный аппарат, хранятся кисель, батоны и патроны.

К нужнику Камса вернулся с добычей. Выжрал сливпакет тюльки и, за будкой прячась, плевался факелами.

И тут понял я, почему хлопцы «ходили» под стены барака. Мне не сознавались, но кашевару рассказали, что по ночам видели в «сердечках» дверки нужника мертвячьи руки приведения, а через щели в стенах будки – огненные всполохи.

Старший бригадир Кабзон попытался уверить меня: «Нужник на фоне чёрного с потухшими звёздами неба и красных по сторонам всполохов воспринимается огромным, неприступным и зловещим замком. Жуть». Я не поверил, даже ему. Но «закладкам» под стенами барака не препятствовал, понимал, что «мины высушенные» – удобрение лучшее, чем содержимое выгребной ямы. К тому же, вони от них никакой: нет в островном песке ни червячка, ну и в кишечнике колхозника ни паразита какого. Не понятным мне было, зачем Камса в обряд за нужником поверх халата с телогрейкой трусы из тайника надел. Трусы со «скворечником» – пропалиной в паху, дырой размером с дуло полкового миномёта. Силыча, понял я, развод.

* * *

Сделав в комлог запись для памяти, я думал что предпринять. Не копать же наугад. Рассветёт, хлопцы полоть придут, а тут председатель стоит в одном кителе без кальсон, лопатой «слона» прикрывает, планшеткой зад. Но не возвращаться же в Отрадное голым. К себе в закуток проскочить незаметно не смогу, и по крыше пробраться к люку тоже. Мужики и хлопцы под утро частят из барака по нужде, после побудки курят на плацу перед завтраком, да и часовой на вышке засекёт. Разве что дожидаться выхода на прополку... Ба! В столовку не пойдут – завтрака сегодня не будет. Часовой заметит... Эхх, не высмотрели бы и бабы на вышках.

Выкопал я шесть ям, но всё тщетно: эксгумация кальсон

не удалась. Не наткнулся и на могилу «пингвинов». Копал бы и дальше, но боковым зрением уловил отблеск со стороны Отрадного. Это часовой на башне водокачки в морской бинокль – Силыч у китобоя на первач выменял – просматривал окрестности, от линз и отблёскивало. А что, как и у мирнян и быковцев на сторожевых вышках такой же. Вот покуражатся бабы.

Что делать?! Надо было оставить кресты, пометить места захоронений! Бычки на земле оставить, нет, в планшетку прибрал. Теперь беги в деревню – там тебя все сорок товарищей поджидают под «миской» с одним проходом в куполе. Силыч не упустит случая, этот покуражится, так покуражится, век не забудешь.

Моя плетёная из усов оскоминицы накидка оставалась в закутке, она длиной по колено, но прозрачная в подолах: усохла, проредилась вся. Новую сплести, усов нет: Коган последние у рыбаков на рыбий жир выменял, им рыбе в прикормку подмешивать; рыбаки утверждают косяками в невод идёт. У кого из мужиков одолжить, так и у них юбки обветшали. Потешатся матроны, в бинокль наблюдая за голым председателем колхоза «Отрадный». А он – то есть я – и так мужчина видный, физически ладный, но знаменит у них выдающимся отличием от всех других мужчин, как соседских, так и своих в деревнях. «Слон» – знатный. Такой разве что у одного есть, у китобоя-гарпунёра. Он в годах, сколько бабы не предлагали, не упрашивали оставить работу промыслови-

ка, выйти на пенсию, ни в какую не соглашался. Гарпун наточит, на плечо взвалит и опрометью на судно китобойное. Коган и Силыч уговаривали, подстрекали за застольем помериться с отрадновским председателем «достоинствами», но стеснялся. Занавеской закутка пожертвовать? Облачусь, как в тогу. Патриций, идиот хронов. Нет, лучше уж голым ходить. Яйца в кулаках спрячу, а со «слоном» как быть? В планшетке прятать? Не получится: натрётся же, как не раз уже бывало, об кожу и бархат – «злиться», хобот тянуть, начнёт. Ну, хоть не совсем гол – в кителе. Тельняшка опять же. Жаль коротковата, не до колен. Ну, где эта могила?! Ну, помечал же крестом... потёр, идиот.

Как не был расстроен, со слезой вспомнил: любимая женщина, приглашая к себе в общежитие вечерком, просила: «И приведи с собой слона», – давала тем знать, что сожительница по комнате уехала к родителям, вечер и ночь пробудут одни.

А вот хрона вам!

Осенённый идеей, я вытащил из амулета свёрток лоскута, смотал с него завязки от кальсон и, сбросив китель, оттянув трикотаж, ножом половину рукава отрезал. Скотал и натянул – как натягивала на ногу колготки любимая – себе на «слона». Длины обрезка рукава оказалось недостаточно, коротковато чикнул. Одной завязкой от кальсон перехватил «чулок» под животом и, вытянув трикотаж книзу, другой завязкой обвязал под «хоботом слона» в оборочку. Спря-

тал. Вспомнилось дохронное: палка колбасы «докторской» «пальцем в кишку пиханная» – по советскому госту.

И, уместив яйца в кулаки, потрусил к Отрадному.

День, думал, перекантуюсь в гамаке, а ночью сюда – копать. Найду кальсоны. А не найду?.. Через сто, тысячу лет найдут. Марсиане откопают. Кальсоны, конечно же, истлеют, но «пингвин» останется – упаковка из жести. Вспомнят, что были на Земле, и птицы такие смешные, и пиво баночное, вкусное и бодрящее. Потомки террористов, и пивзаводы последние порушили, и птичек – этих не летающих – на тушёнку извели.

Нет, я определённо склеротиком становлюсь! Есть в Метро – пришло вдруг мне на память – кораллы «цветов пингвина». Черно-белые с красным. Подливу в пюре из коралла «картопля» готовят. Основная пища обитателей Метро, «червей». Пробовал. Гадость – хуже «Отрады». И зараза, дед, хуже опиума: не получают детишки «баяна» – ломка замучит. Рифы разрабатывать не просто: на раз подливы приготовить – тоны коралла со дна поднять надо. Дно морей и океанов Уровня всё каналами изрыли, весь Марс ими испещрён.

На ходу остановился сменить «свечи», но в пенале очищенных «макариков» и «энзэ» не оказалось. Искал могилы, пенал в суматохе открылся, фильтры и выпали! Расстегнул кошель – сменил на «макарики» польвованные сверх нормы, отложенные к списанию.

Ждал...

Хихикал...

Смеялся...

Хохотал.

Тихо. Чтобы не услышал часовой на водокачке. Уместив «колокольцы» в кулаки, задом к быковской сторожевой вышке, пах от мирнянских сторожих планшеткой прикрывая, крался к вышке отрадной.

Не различил в рассветном тумане проход под «миску», как услышал хохот полеводов, не заглушаемый даже громким стрекотом кулеров в ПпТ-генераторах. Хохот всех сорока трёх человек...

Это вся запись-ком, что удалось скопировать из комлога Франца Аскольдовича.

* * *

Как начался у Бати недуг, маялся ночами без сна, засыпал только под утро и спал до полудня, потому не слышал как после подъёма и утренней поверки, теперь уже без обязательной по распорядку дня пробежки по плацу, мужики и хлопцы хохотали во дворе. Совали в ноздри «макарики» – кладовщиком определённые к списанию – и балдели. Развлекались до завтрака от скуки, частенько – вместо завтрака. В конце концов, у полеводов наступила к забаве периодическая тяга – типа наркотической зависимости. Не поохочут с утра, день рыбой дохлой на прополке казались, вечер курили, после отбоя без сна ворочались. К утру ломка изво-

дила так, что завтрак, если «Отрада» к столу не подавалась, в горло не лез, и на работы шли не стройным строем – плелись гурьбой, поддерживая и хватаясь друг за дружку, чтоб в грязь не упасть.

Не знал Батя того, что часть «макариков» не подвергалась очистке вовсе – копилась Силычем порченной. Эту «некондицию» мужикам и хлопцам выдавал в самоволку сбегать. Первые с рыбачками в сопках уже даже не кувыркались – хохотали. Вторые с девчонками на завалинке не пели – хохотали. Ну и в торжество какое, Батю из столовки спать спровадив, хохотали – забористо, от души. Фельдшер доводил ту «некондицию» до «кондиции»: вымачивал в «сливках», высушивал и закалял факелами за нужником. Эти для бизнеса готовил. Я предложил Зяме сбывать, тот согласился на пробную партию – испытать спрос у волков и драконов по меняльному пути в ЗемМарию. А в его осенний приход на Бабешку – якобы, как обычно, за самогонкой и вареньем большая партия «валюты» – так только теперь прозывали фильтры «кондиционные» – была доставлена на ветролёт патрона, после в хозяйскую каюту и покинула остров.

Не знал Батя и того, что Зяма «валюту» у меня променял за новенькие комбинезоны огородников «атомных теплиц», театральный костюм постмодерниста и сигареты «Могилёв».

Не знал обо всём этом Франц Аскольдович. Не знал он и главного. Вечерами попивая с нами «чашки чая», выкушивая тюльку жбанками, Батя даже не подозревал, что со-

стоялась успешная спецоперация не без нашего – моего, Силыча, Кобзона и Хлеба – участия в её разработке. Без его председателя правления руководства и полковничьего на то дозволения. Была достигнута договорённость с менялой Зямой, посодействовать колхозу «Отрадный» в деле занять-таки свою нишу в поставке товаров альянсу. Мы вчетвером навеяли подспудно Бате замысел проведения в колхозе экономических реформ. Мы четверо вбивали ему в голову – опять подспудно же, уже после приёма на посошок тюльки с факелами – идею, как поправить хозяйство. Из ягоды-оскомины гнать «Фирму» и варить варенье; на Дальнем поле под прикрытием топинамбура растить мак и коноплю. Ну, а чтоб не стало подозрительным от скорого подъёма колхоза, подсказали идею из усов оскоминыцы плести всякие там поделки: корзины, вазоны, баулы, сумочки, кошельки. Не всё у нас получилось, как замышлялось: ниши своей толком мы так и не заняли, прибытку особого не получили. Отношу неудачу к не растерянной «на гражданке» Францем Аскольдовичем Куртом офицерской чести: полковник марсианский одерживал-таки верх над земным председателем колхоза. Такова Батина натура. Но обиду не держали, Батю мы уважали и любили. Мдя.

А впрочем, экономика колхоза «Отрадный» всё же поднялась, она стала даже эффективней той, что была в Отрадном до разорения пиратами и нашего, беглых арестантов, обоснования в опустевшей деревне – по воле, напомним, народа

и президента Пруссии. Но случится это по прошествии двух лет, и проделано будет не только руками нашим «славным квартетом», но и пришлым на остров – нам человеком не со стороны, офицером, сослуживцем по полку.

* * *

Тот год прошёл не без событий важных для колхоза и председателя правления тоже. Батю, заслушав на общем собрании коллективных хозяйственников годовой отчёт о проделанной работе, и тем годом переизбрали. Выбор сделали не потому только, что уважали и любили командира, но и потому что действительно дела под его руководством поправлялись. Колхоз становился день ко дню всё зажиточнее. Мужики духом воспаряли, в сопки снова наладились к рыбацким пропадать, хлопцы на завалинку к мирнянским девчатам сытыми бегали. Я с Силычем роптали по этому поводу: по сопкам гуляют, на завалинке песни поют, детей бы не зачали. Обходилось. Стараниями оф-суперкарго и Ивана мужикам выдачу презервативов утроили. Хлопцам, тем не выдавали, им бы песен послушать да попеть. Да пощупать за мягкие места, конечно. Хоть топинамбур, как и ожидалось, урожая этим годом достаточного не дал, Отрадное не голодало. Зяма на удивление больше не жмотничал, цену за поставки не сбивал, мужиков и хлопцев гостинцами земмарийскими даривал.

В день розыгрыша с трусами Камсы я подждал Батю, стоя в створе калитки прохода под «миску». Встретил, подав буд-

то «хлеб-соль» одежду. Стопку из шаровар и блузы украшал большой чёрный бант. Тут же во всём признался. Франц Аскольдович не осерчал, наоборот, уже вечером за «чашкой чая» с азартом изложил новые идеи и планы их достижения. Я нет, старший бригадир с кашеваром опасались, что прознает – наивный – чьи те идеи и планы на самом деле, взъярится. Но обошлось. Бате идеи в голову, на самом деле, не приходили – трасполировались славным квартетом. А после выпитой тюльки с факелами из памяти улетучивались. Поутру же с киселём и тем же вареньем, но «со вкусом», возвращались – с воспоминаниями о том, что председатель колхоза он, в былом комроты спецназа, полковник в опале.

И всё же, в конце концов, выгонку контрабандной самогонки и варку варенья мы прикрыли, производство «козьих ножек» и сигар «Oskomina» не начали. Мак больше не выращивали. Коноплю спалили. Подожгли со всех сторон Дальнего поля от сорока зажигалок. Мужики на это варварство смотрели, одни – с пониманием, другие – с недоумением. Хлопцы же – с восхищением, дурачась. А Батя всё боялся, с мирнянской сторожевой вышки заметят пожар, сбегутся тушить посевы – конопляные и маковые, не топинамбуровые, на самом деле. Ещё в огне и дыму померещился ему прадед-афганец, отставник с должности комдива российских ВДВ. Пенсионер, щерился беззубым ртом и грозил правнуку тростью с набалдашником в виде парашюта.

После у хлопцев их посиделки с девичьими песнями на за-

валинке Мироного пошли на убыль, мужики уже не с прежней охоткой устремлялись в сопки по бабам. Отъелись на го-стинцах из ЗемМарии, халве из Мирного, баранине из Быково – обленили вконец. Вот стычки с местными мужиками и парнями возобновились. Правда, не дракой завершались, а дворовыми танцами. Станут стенками во фронт против друг-другу, мирняне с дрекольем в руках. Отрадновцы заменят в носу «свечи» на «валюту»... хлебнут из фляг и подожгут от зажигалки выдох. «Отфакелятся», сойдутся... и танцуют. «Шахматисты» в обнимку. Мирняне угостятся фильтрами и... хохочут все, хохочут всё. До упаду. Мирнянские девушки разнимают «шахматистов». Жёны, матеря, сёстры, детишки сбегутся, тащат родных по юртам и чумам. Спасают. Мужики и хлопцы, те в строй и домой.

К тем забавам даже Батя пристрастился. Лично участия – в танцах – не принимал, стоял в сторонке, покуривал. «Marlboro» в обмен за «следы» ему каргоофицеры так и не добыли, возили «Могилёв», а в последнюю навигацию даже «Гродно».

Среди мужиков и хлопцев, одетых в новенькие комбинезоны огородников «атомных теплиц», Франц Аскольдович выделяется своей колоритностью: высокий, сухопарый, помолодевший; тоже в обновке. Силыч пришил к блузе под бантом полковничьи погоны, Батя шестёрку звёзд показывал – под большим секретом – мирнянской детворе.

Непременно, всякий раз, когда кто из менял – американ-

цев и арабов – пристанет к Бабешке, ходил на причал покор-
мить и прогнать за уплывающим парусником чаек.

Один на берегу, выпростает из-под банта амулет, из
брюшка птичьего достанет с трепетом лоскут из мохера и
«мохерни»...